

ЯНА ДВОРЕЦКАЯ

СОРИНКИ ИЗ ИЗБЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Яна Дворецкая

Соринки из избы: семейные истории

<https://litres.ru/73015862>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Соринки из избы: семейные истории» — сборник из двадцати двух рассказов про проблемы в семье, о которых принято молчать. Героев объединяет тема эмоциональной зависимости: родителей от детей, детей от родителей, мужа и жены друг от друга. Этот сборник рассказов — моё исследование, главный вопрос которого: как спастись от созависимых отношений, если это отношения между самыми близкими? Это тема, на которой я специализируюсь как прозаик, как психолог и как блогер.

Содержание

Моя Джульетта	4
Золотой час	46
Жирная	64
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Соринки из избы: семейные истории

Моя Джульетта

Валя уходил, в руках – мусорные пакеты, в них пара кофт, джинсы и ноутбук.

– Давай! Беги бегом к своей Сиськиной, – крикнула жена. Мусорные пакеты издали едкий звук.

«Как бы соседей не встретить».

В тридцать лет Валя – правая рука директора в небольшой айти-компании. Работает на удалёнке, зарабатывает... кхм-кхм (игриво приподнимает бровь)... хорошо зарабатывает, имеет движимое и недвижимое имущество.

Судя по тесту из интернета, который Валя прошёл только ради шутки (или нет?), он вспорхнул сильно выше российского среднего класса.

Благодаря его... кхм-кхм (уголки губ ползут вверх)... зарплате, Лада не работает. Жена занимается йогой, домом и Васьком. В основном Васьком, потому что им надо много заниматься.

У них квартира-машина-дача-отпуск два раза в год и мама в помощь.

Им завидуют друзья и родственники.

Они счастливы.

Они счастливы?

– Тёща у меня мировая, – важно растягивая слова, рассказывал Валя коллеге.

– Тёща мировая? Да ты извращенец какой-то! – смеялось на него с экрана лицо-дыня в очках, борода усеянная точками.

– Нет, ну правда. Знал бы ты, какие она голубцы крутит, не удивлялся.

В комнату заглянула Лада:

– Ты освободился? У мамы мигрень опять. Погуляй с Васьком, – и после тяжёлой паузы. – Погуляешь?

– У меня важный звонок вообще-то.

– Странно. Я думала, когда у людей важные звонки, они на всю квартиру не гогочут.

И ведь не ушла никуда, а стала полки в шкафах открывать, греметь ими, будто что-то ей там срочно понадобилось.

– Схожу я, схожу. Только выйди уже, – прошипел Валя, от злости по-гусиному выгнув шею.

Когда вернулся к экрану, голова-дыня уже, разинув рот, предвкушал горячую семейную внутрянку.

– Вроде всё обсудили? – смутившись, спросил Валя у головы в экране. – Кидай, значит, задачу мне. Я после обеда гляну.

После этого свернул зум-окно и крутанулся на кресле к

жене.

– Не знаю, чему ты веселишься, – бросила Лада, теперь уже выходя и закрывая дверь. – Сутками сидишь перед компом, а потом жалуешься – мне и маме – на желудок и всякое там.

– Я деньги зарабатываю!

– А я твои трусы отбеливаю, чтоб ты в санаторий как человек поехал, – Лада потрясла охапкой семейников.

– Мне наряжаться не для кого, – оскалился Валя. – Меня в трусах давным-давно никто не видит.

Лада хлопнула дверью.

В санаторий уже через неделю. Лада и Алла Павловна обожали «Лебёдку», каждый год ездили и тащили Вальку с собой. Валя называл эти поездки пенсионерскими, но всё равно ехал – в обнимку с ноутбуком.

– Ты давай потише, не гони так, – инструктировала его Лада с заднего сиденья. – Мам, ты тоже, следи за скоростью, а то ж этот, как с цепи...

– Где я гоню? Где я гоню-то? Алла Павловна, ну, ей-богу, надоела она мне!

– Васе плохо может стать, – строго объяснила Лада и, роясь в огромной клетчатой сумке, прибавила: – Мам, а контейнер где? Ты ж мясо Васе запекала. Ты с собой его клала? Они выехали из придомовых ворот.

– Только ж поел, – Валя недовольно покосился в стекло заднего вида на жену.

– Всё в сумке, я ничего не выкладывала, – Алла Павловна потянулась назад, к сумке, вывернулась лентой Мёбиуса, но в итоге достала тот самый контейнер.

Лада попробовала мясо и поморщилась.

– Ты подсаливала, что ли, мам?

– Ни грамма, – Алла Павловна оправдательно покучерявила перед собой руками.

Лада выдернула кусок из рук Васька, который уже почти всё съел.

– Как будто солёное всё равно, – Лада основательно прошлась по шершавому мясу языком туда-сюда и вскричала: – Я же говорила! Опять он пятнами покроется!

– С чего ты взяла, что это на солёное? – в страхе повернулась к ней Алла Павловна. – Не на солёное у него, Лада, а на сладкое!

– Врач сказал: аллергия невыясненной этиологии. Ты, видно, уже всё забыла.

– Я помню про этимологию, – буркнула Алла Павловна, и они с Валею недовольно переглянулись.

– Сама бы запекла вместо того, чтоб ворчать, – заметил Валя жене.

– Сама впредь и буду, – ответила Лада и продолжила облизывать кусок за куском, снимая так лишнюю соль, а потом возвращала обезвреженную пищу Ваську.

Валя наблюдал за ней в стекло заднего вида с отвращением, и ему хотелось крикнуть: «Да перестань ты уже!», но не

стал: тогда бы тёща перекинулась на сторону жены, случился бы нежелательный перевес сил.

До «Лебёдки», по навигатору, часа три, но Валя держался строго шестидесяти километров в час. Когда плейлист про синий трактор проигрывался по третьему кругу, Валя мыслями унесся в далёкую даль... Он не просто вошёл в медитативное, отрешённое состояние – его туда буквально всосало. И когда уже совсем разнежился и забылся, машина вдруг начала сама собой разгоняться.

– Валя! Ты с ума сошёл, что ли? Куда понёсся? Мам, а ты почему не следишь?

Лада крикнула так, что даже Васёк вздрогнул во сне. И Алла Павловна вроде тоже уже закемарилась, а тут вся мигом собралась, словно вместо позвоночника швабру ей вставили.

– Хоспаде, что ж ты кричишь-то так? – закудаhtала.

– Смотреть надо потому что, – ответила Лада. – Я ж с малым! Мне ещё за вами следить прикажешь?

Хотела бы Лада прокатиться беззаботно, слушая музыку и блуждая взглядом по тёмно-синей ленте елей, впитывая буйный августовский зелёный цвет. Она ведь так ждала эту поездку! И в этом году всё ещё лучше: Лада сняла не номер, как в прошлом, а дом на территории санатория, и у них с Вале́й там будет отдельная от мамы и Васька комната. Прикидывала, как утром после кормления эти двое будут отчаливать на прогулку, и тогда... *«Хотя бы начнём говорить с ним как люди».*

Ведь с того момента, как Валя ушёл в зал (на последних месяцах беременности), только командами и общались: «Васька вывести на улицу», «Маму вывезти на рынок». Да коллеги знали про жизнь её мужа больше, чем она.

Утром, днём, вечером – Валя, точно гвардеец у Букингемского дворца, был на посту у своего компьютера. Листал ленту, переписывался непонятно с кем, и всё у него было в паролках. С его работы Лада никого не знала, разве что того дынного в очках, вечно по-маньячному следил за их ссорами.

Жили теперь как соседи. Лада ложилась с Васьком в девять, Валя в час-два ночи (по времени захода в «Телеграм» следила). Вставали вместе, но тут уже и мама приходила, а при ней любой личный разговор словно не к месту. Но там, среди леса и травы, среди отдыхающих и вкусной еды, после хорошего массажа и бодрящего дневного сна... Уж там-то они смогут, наконец, заняться друг другом.

– Ещё в Библии говорится: почитай отца твоего и мать, – пробубнила сонная Алла Павловна. – А ты на меня кричишь, Лада. Ты загляни в священную книгу. Там именно так и написано.

– Ещё там говорится, чтобы мать не тревожила детей своих, ага.

Лада откинулась на сиденье, прикрыла глаза. Васёк уже спал, может, и она покемарит часок?

– Готова всех с головой сожрать, – нагибаясь к тёщину уху, обречённо и с наслаждением посмеялся Валя.

– Да уж, что-то я недоглядела в своё время, – ответила тёща с закрытыми глазами и в целом довольно умиротворёнными лицом.

Лада слышала их разговор, но ничего не сказала. Этот альянс её не напрягал, и даже вполне устраивал. У неё-то ведь тоже была своя коалиция – с сыном.

Дорога почти пустая. Вид из окна как на открытке: голубое небо, спокойное солнце и неподвижные ели с соснами. Валя наслаждался редким выходным днём. Или всё же не совсем выходным: рабочее время он таймшифтнул. Решил, что ночью доработает, когда придут на место.

Лада спала: Валя решил приоткрыть окно, подышать. Тёща тоже заснула: можно и поднажать. Ради сына, конечно же: быстрее доедем – меньше устанет. А то ведь проснётся, закричит чайкой, а за ним и Лада...

«До ста бы дождать. Никто всё равно не заметит».

Валя прижал правую ногу к педали, и его новенькая, блестящая «Хёндэ» начала разгоняться. Валя пошёл дальше: опасливо переключил детский плейлист на «Наше Радио», и запело:

«С головы сорвал ветер мой колпак. Я хотел любви, но вышло всё не так».

На деление громче.

Валя опасливо посмотрел на тёщу: голова набок, болтается, как помидор на ветке, язык чуть выглядывает из-под уса-той губины.

«Нет, не проснётся».

Посмотрел назад: Васёк дрыхнет вовсю, долго подрыхнет. И Ладка десятый сон видит, иначе бы уже сделала замечание.

Он набрал в лёгкие побольше воздуха и стал пробираться в левый ряд. Потом приспустил окно ниже, свежий воздух ворвался в их сон-час. Алла Павловна вскрикнула во сне, что продует-де ребёнка, надо бы прикрыть, но Валя уже не слышал ничего, кроме шума дороги. Дорога влекла его вперёд и куда-то вверх...

Он видел себя водителем трака. Могучий тягач прёт по американским хайвеям среди одичалых прерий, иссушенных солнцем, на стекле беспечно болтается пахучка с красоткой в шортиках с огромными сиськами, у сисек тех малиновые соски, стоят, как надувные, блестят как леденцы.

Тормозит у заправки.

– Залезай на заднее, крошка! Покувыркаемся, а потом я тебя ссажу.

Где попало ссажу. Мне вообще пофиг. Кончу на твой губашлёпистый фейс. С тобой только так. И тебе это нравится. Верно же? Когда ты свалишь, натягивая на ходу майку и шортики, я вопьюсь в огромный мясистый бургер. Двойная, нет, тройная котлета, сыр и соуса побольше.

А в санатории питание трёхразовое, но есть и ресторан для особых случаев. Хороший ресторан, диетический. Лада читала в отзывах, что туда даже из Москвы приезжают по-

ужинать.

Она пойдёт туда в красном платье. Спит и видит, как идёт она в этом облачении к их столику. Всюду свечи, на женщинах поблёскивают дорогие украшения, мужчины галантные, смотрят на спутниц восхищённо, вожделенно. Так, как Валя будет смотреть на неё.

Но за столиком её ждёт не муж... Это кто вообще? Незнакомый по виду, но знакомый по ощущениям мужик. Кажется, парень из летнего лагеря, куда она ездила ещё подростком. Ну, пусть так. Лада улыбается во сне.

Смущённая, она садится за стол напротив того парня. Волосы щекочут обнажённые плечи. Ладе кажется, что её плечи – совсем тонкие, совсем нежные: ювелирная работа. И чувствует она себя удивительно раскованно. Никогда не было у неё таких длинных волос, стригла практичное каре и обязательно за уши закладывала, чтобы в глаза не лезли, – а тут царственные локоны по спине и плечам расплескались. Ну, пусть так. У Лады слезятся глаза под закрытыми веками.

– Богиня, – шепчет ей тот мужик и превращается вдруг. В Валу!

Как же глупо. Как глупо! Но до чего же хорошо!

Внизу живота почувствовала Лада тяжесть, кровь хлынула по хлипким сосудам, не привыкшим к такому напору. И теперь Валя гладил ей руки и говорил низким волнующим голосом:

– Гордо скину плащ, вдаль направлю взор. Может, она

ждёт? Вряд ли, это вздор.

Почему вздор? Я жду! Я мечтала об этом ресторане. Я мечтала о тебе. Здесь, среди этих свечей. Я так давно жду тебя. Я хочу, чтобы ты взял меня на руки и унёс туда... куда?.. я сама не знаю, куда... Просто поднял и просто унёс...

А Валя, словно и не слышал, продолжает своё:

– ...камнем брошусь вниз. Это моей жизни заключительный капри-и-из...

«Какой ещё каприз? Ничего себе, во даёт!»

Лицо то Валино, то не Валино. Меняется раз по десять, и затошнило от мельканий.

«И все-таки: какой ещё каприз у него?»

Лада начала суетиться.

«Так и знала, знала же: стоит позволить одно, как обнаглает и попросит другое».

Мягко гудит дорога под колёсами красненькой «Хёндэ». И куда-то вдруг делся тот ресторан, и платье красное. И как будто неудивительно ей даже теперь, что ничего этого нет. Потому что это правда жизни.

Хорошую машину выбрала, подумала Лада в полудрёме, плавно идёт. А Валька чуть ни купил. Китайца, как у Юлькиного мужа. А тот Юльку, кажется, побивает. Хоть про сияк она не призналась. Но это и понятно почему.

– У тебя Валя – святой, конечно, – говорила Юлька, когда встретились у подъезда (жили в одном доме). – И зарабатывает, и с сыном помогает. Я же вижу. Без отца непросто сына

растить. Всё-таки мужской пример нужен.

«Жалко Юльку, муж от неё потом и вовсе ушёл».

– Ты обращайся, Валя поможет, – отвечала Лада.

Вспомнив те свои добрые слова, сказанные соседке, она почувствовала себя хорошо. По-христиански это – ближнему помогать. Ведь и с ней всякое может случиться. И она может остаться без мужа. Хорошо, когда такие, как она, добрые люди на свете есть.

Открыла один глаз: деревья обрушились на неё всей мощью своих драконьих стволов. *«Мамочки мои! А что мы так быстро-то?»*

Открыла второй глаз: вроде всё нормально. И Васёк спит. Но всё равно гул какой-то странный.

– Валя, какая скорость? – спросила строго.

– Что? А?

Лада схватилась за кресло мужа, подтянулась и прохрипела в ухо:

– Какая скорость, говорю.

– Я это, – начал бубнить.

Ну, всё ясно.

– Угробить нас вздумал? Сто гонишь! Валя!

– Я это, только пока Вася спит. Так же ж ему меньше мучиться в дороге.

– Тормози, говорю! – Лада кричала так, словно муж уже катил под грузовик.

– Да сейчас я!

И пока не снизил скорость до одобренной, Лада висела у него над плечом, отслеживая падение стрелки на панели управления.

– Нет, ну ты... Я вообще... – у неё даже все слова растерялись от такой наглости мужа.

Как он мог забыть её указания? Может, скоро забудет и то, что он и муж и отец? Заведёт себе какую-то пеструшку-шуструшку. Мало ли таких, готовых на всё? Валя – завидный мужик, хоть и не знает об этом (что к лучшему). Но это ведь она подняла его с голодной студенческой скамьи, оформила, так сказать, он тогда даже не работал, жили на её зарплату. Так что с него причитается.

– Раскомандовалась, – буркнул Валя.

– Ты ж на трассе, Валя, – объяснила Лада, но уже мягче (почувствовала себя виноватой за крик).

– И, правда: опасно это, Валя, – проснулась и поддакнула тёща.

– Да я ж ради малого только, – оправдывался Валя.

А ведь эта особа из Валиных мыслей не была выдумкой. Это ж Юлька из соседнего подъезда.

Твоя Джульетта. Так её во ВКонтакте зовут. А вообще она Юлия Грудинина. Валя как-то пошутил про неё при Ладке, что она Сиськина. Ладка даже обиделась: она ведь с ней уже успела подружиться.

Дети у них были ровесниками, гуляли вместе во дворе, а после развода Джульетта зачастила к ним в гости. Ладка с

ней на кухне ворковала, потом Джульетта ещё с детьми играла, а Ладка спала. И так менялись. «Почти гарем». Потом ещё тёща приходила, готовить начинала. Тут они втроём во всю силу разворачивались, кулинарный цех получался. Валя к обеду нисходил к ним, а тут тебе – первое, второе, третье и компот. К такому, конечно, не дай бог привыкнуть.

Вспомнил он, как Джульетта впервые ему сама написала. Не Ладке, а прямо ему в личку. Попросила за малым приглядеть, сама до пенсионного собиралась добежать, какие-то доки ей надо было занести. Валя сказал: ну, приводи. Кольнуло в груди отчего-то – в общем, взволновало его это.

И тогда пошло-поехало: стал он смотреть её фотографии. В туалете по два часа к ряду сживал с телефоном. Тут и рулон под рукой, и сразу помыться можно. Мог ли он подумать, что спустя двенадцать лет брака влюбится в подругу своей жены? Турецкий сериал какой-то, не иначе.

Он теперь их двоих любит. Ладку – уважительно, по-товарищески. А это новое чувство к Джульетте... От него на душе сладко и мерзко, но мерзко совсем чуть-чуть, всё же больше сладко.

На самом деле, всё не так уж и плохо. Джульетта, как Валя себе объяснил, – залог их с Ладкой семейного счастья, и тем успокоился. Он ведь с Ладкой в «Лебёдку» поехал в этот раз с большей охотой только потому, что у него Джульетта есть.

За пару дней до поездки узнал, что Ладка подругу с собой в санаторий позвала, и испугался. Чувствовал: неотвратимая

беда над ним нависла, даже пытался отговорить жену:

– Ну зачем она нам там?!

– Зачем-зачем? Её же муж бросил, Валя! Ей даже в отпуск поехать теперь не с кем.

– Ну а ты, что ли, святая, всем помогать?

Сказал, но не помогло.

Ладка хотела Джульетту даже в их машину впихнуть, но тут уж несложно было её переубедить: с детским креслом и их огромным дорожным провиантом места не оставалось.

«Острые её коленки в чёрных чулочках. Полупрозрачная спинка, тонкая, как суповая курочка, ключицы вытирают над её несоразмерно тяжёлой грудью. Попа в трусиках-ниточках. Полупопицы. Ням-ням, облизал бы. Лоснятся. Намазать бы их кремом и елозить-елозить.

Эх».

Но вот и «Лебёдка». У шлагбаума сквозь Васькины очередные завывания прокричал охране: «Ивановы. У нас бронь!»

По приезде засобирались в ресторан. Лада так придумала, чтобы первый день отпуска отметить. Забронировала столик на всех, включая Юльку. Та должна была вот-вот, вечерним поездом прибыть.

Лада достала платье, разложила его на кровати, складочки разгладила, загадала, чтобы всё случилось, как приснилось.

Потом вышла проверить, собирается ли Валя, а он, показалось, в туалете засел. Постучала, не ответил. Ещё постука-

ла. Хотела уже пойти искать его на улицу, но, уже отходя от туалета, услышала глухой испуганный голос за дверью:

– Ты чего? Тут я.

– Чего не отзываешься?

– Мне в туалет уже спокойно сходить нельзя?

– Что ты заводишься сразу? Я просто спросить хотела.

– Ну?

– Ты идёшь в ресторан со мной и мамой?

Тишина.

– Валя, блин! Ты там чего?

Тишина опять. Потом так неохотно, с раздражением:

– Не иду.

– Как всегда, – и тяжело вздохнула, погромче – не для себя
ведь.

– Что?

– Как всегда, говорю. Ясно.

– У тебя всё «ясно».

– Не нагнетай, дочь, – воспитывала Ладу Алла Павловна, когда они втроём, с Васьком, шли к ресторану. – Пусть Валентин поработает. Мы посидим нормально и так. Зато Васильку в спокойствии покормим.

А в ресторане продолжала:

– Ты на мужа жаловаться права не имеешь. Валентин зарабатывает, и мне всегда рад. А вот уйдёт к другой, тогда узнаешь, поплачешь, но будет поздно.

– Мам, хватит. Куда он уйдёт? – отвечала Лада, засовывая

Ваську за ворот салфетку.

Алла Павловна сдирижировала вилкой над тарелкой с маленькими медузами:

– Грузди! – отметила голосом знатока. – Ну да, точно грузди.

Выпили наливочки отельной, авторской. Для сосудов полезно, и так, общеукрепляюще.

– С лаской к мужу надо и с уважением, – как выпила, опять начала Алла Павловна.

– Ты к отцу не особо-то с лаской и с уважением...

– Твой отец – другое дело. Он алкаш обыкновенный, никогда копейки в семью не принёсший. Сравнила! За что его уважать-то?

Лада отвлеклась на пары за столиками, особенно взгляд её задерживался на мужчинах.

– За что уважать-то его, говорю? – раздражённо повторила Алла Павловна.

– Не знаю, мам, – вздохнула Лада.

– Вот и я о чём. А то – к отцу без уважения, ишь! Понимать надо!

Обе в унисон вздохнули. Официантка подошла и зажгла им свечку. Затянул песню музыкальный коллектив на ресторанных подмостках. Васёк жевал хлеб и в кои-то веки не орал.

Сгорбившись над тарелкой, Алла Павловна оглядела в ресторане каждый столик. В отличие от дочери, её больше все-

го интересовали не посетители ресторана, а тарелки с едой:

– Что мы, живём, что ли, плохо? – подмигнула она Ладе.
– Не богохульствуй! А грузди всё же попробуй. С картошечкой. Тот большой возьми да наколи.

– Потерплю немного и пойду, – лихорадочно соображал Валя, когда Лада с мамой выдвинулись в ресторан.

Ещё на въезде он заприметил вагончик с логотипом бургера, и тоска по жирному мясному с тех пор уже не покидала его.

Валя был истомлён. Валя изнывал от памятного привкуса сытного куска во рту. Когда он в последний раз ел такое? Около года назад, когда за продуктами у Ладки отпросился, да. Забежал тогда в «Домино». Весь трясся, пока готовили заказ. Время тянулось как ириска. Съел за минуту, и по пути домой тщательно зажёвывал бургерный дух жвачкой.

«Ух, не дай бог Ладке учуять».

– Ты, Валя, умереть хочешь? – всплминал, как она спросила с порога, смотрела на него как тореадор на быка.

Зря он тогда стушевался, надо было поувереннее дыхнуть. Могло бы и прокатить. По пути бодрился, думал: даже если учует, он уж за себя постоит. Ну, съел он этот бургер, ну что тут такого? Он бургеров годами не видит, хотя Ладка с мамой раз в месяц себя балуют, домой даже заказывают. Язва это его. Надо было вообще Ладке про неё не рассказывать.

Лада тогда по лицу прочла всё, по мимическим морщинам, и её враз перекосило.

– Ну да, – сказала разочарованно.

– Что, да?

– Ты в «Доминохе» был, а у тебя язва же.

В тот день Валя получил по первое число. Лада угрожала, что от такого стресса у неё молоко пропадёт, и тогда ему придется выкладывать деньги на смесь, и он в итоге убьёт ребёнку всю микрофлору. Накричавшись, ушла на дневной сон, но потом два дня ещё бухтела.

– А, чёрт! Как, однако ж, хочется этот бургер! – теперь, сидя в санаторном домике, фантазировал Валя. – Надоели эти щи-борщи столовские и котлеты парёные-варёные.

Пробираясь по санаторской дорожке к вагончику с бургерами, Валя воровато оглядывался. Ему чудилось, что Ладка не пошла с мамой в ресторан, а ловушку ему устроила. *«Нет, всё чисто. Они на ужине, а у меня просто паранойя».*

За воротами синел хвойный лес, впереди размазывались по темноте огни бургерной. Мокрый воздух холодил. Рот уютно наполнялся сладковатой слюной.

Бургерный вагончик горел в полутьме оранжевым светом. На открытой террасе сидели за столикам люди. Перед каждым на подносе – картошка фри, в руках – конвертики с бургерами: из них на Валю нахально пялились котлеты.

Быстро обобрав меню, Валя заказал «Жирного Тони». Самого мясного, самого жирного. Двойная котлета, бекон, фарш. *«Если я от этого сегодня помру, то и пусть».*

Времени на поедание было предостаточно, Лада с ма-

мой любили планомерную, без спешки смену блюд, но Валя всё равно зачем-то торопился. Уплёл бургер стоя, как стопку опрокинул. Последний кусок закладывал уже с каким-то пьяным взглядом. И когда в следующий раз свидимся? Обратно не шёл, а плыл, тёк по дорожке как тесто. *«Не зря Ладка говорит, что в этих бургерах много глутамата кладут, вот и эффект. Она сама противостоять усилителю вкуса не может, но «у меня-то язвы нет, в отличие от некоторых».* И с этим не поспоришь».

Вернулся в домик. От Лады – сообщение. Испугался: отследила всё-таки. Но нет – она написала про другое: *«Юлька на проходной. Добеги, встретить. Она там одна с дитём и чемоданами».*

Сердце Валентина заколотилось. Ответил жене, что, конечно же, сейчас встретит. Выскочил навстречу темноте вечера, сбивающей дыхание, и полупрозрачным чулочкам. *«Такие ведь на Джульетте были в последнюю фотосессию в “ВКонтакте”?»*

– Валечка, спасибо! – радовалась Джульетта, когда он забрал у неё из рук чемодан, и зачем-то ещё простонала. Вале даже неловко стало, когда он это услышал. *«Она что, так и в спальне стонет?»* Мысленно ударил себя по губам.

– Да без проблем. Тебя куда тащить? – и как будто случайно ошибся в слове.

Джульетта посмотрела на него особенным взглядом. В её синих глазах словно только что летний дождь прошёл.

– К вам же. Тебе Ладка разве не сказала? – усмехнулась.

– Не-ет. К нам в домик, что ли?

– Ну да. Мы подумали, что детям так веселее будет.

Валя сглотнул слюну.

– Ну, верно, – произнёс.

Джульетта вдруг замялась, опустила голову набок, промурлыкала:

– Лада сама предложила с вами... Надеюсь, не стесню вас?

Мой же, ты знаешь, без копейки нас оставил.

– Нет, что ты. А что ж так, без копейки прям?

И зачем спросил? Будто пошёл бы с ним разбираться.

Смешно самому стало.

– Ой, Валь, такому мужчине, как ты, не понять. Свинья человеку не товарищ, как говорится. Если интересно, я расскажу потом, что он вообще творит.

И потом она рассказала. И поплакала у Вали на плече.

Валя сделал ей чая, заварил пакетик из набора, который нашёл в домике. Давно не делал ничего такого на кухне, а теперь летал как фея. В чемодане у Ладки отыскал конфеты, что Ладка для Васька брала, противодиабетные, тоже выложил Джульетте.

Пробыли вместе часа два, пока из ресторана не вернулись Лада, Алла Павловна и Васёк.

– Ох, как хорошо, что вы тут без нас не скучали, – сказала Лада и заключила румяную, ещё горячую и потную, сильно смущённую подругу в объятия.

Лада пришла из ресторана счастливая и, по правде сказать, впервые за много лет запьяневшая. Ещё пару часов назад Валя казался ей каким-то бирюком, проявляющим к ней... да ничего, собственно, не проявляющим... сморщенным и высохшим от своего программирования. Ещё и с вечными черкашами на трусах. Фу, жуть!

Зато теперь – как хорошо, что мать мозги вправила! – Валя предстал достойным мужчиной, который даже её подругу смог привести в чувство. Вон как эта Юлька теперь на него смотрит!

– Надо было с нами в ресторан идти, – сказала Лада ему, ласковее, чем всегда. – Что, кстати, в столовке было?

– Бифштекс и пюре, – внезапно для самого себя ловко соврал Валя.

– А рыба отварная была?

– Форель! – выпалил Валя.

Юля круглыми глазами смотрела то на него, то на Ладу. Она не знала, что Валя ни в какой столовой не был, и рыбы варёной не ел. Зато познала с ним кое-что другое.

– Я ж минтай выбирала для нас, – удивилась Лада.

Валя отвернулся к ноутбуку.

– Ладно, я пойду своего укладывать, – поспешила убраться Юлька. – Маленькую комнату мы заняли, ничего?

– Конечно, ничего, – ответила Лада и получше всмотрелась в мужа.

Какой-то он сегодня странный всё же: косится, как собака

побитая, будто натворил что-то. Из-за ресторана, наверное, виноватится, подумала и ушла спать.

Через полчаса себя не помня, Валя потянулся к их с женой комнате и по-супергеройски запрыгнул к ней в кровать. Лада поначалу упиралась.

– Валентин! – говорила.

Но Вале слышался только щекочущий шёпот Джульетты. И от страха, что Лада может его рассекретить и навсегда лишить открывающихся любовных перспектив, он был готов старательно усыплять её бдительность всеми возможными способами, даже такими.

И не то чтобы он раньше не хотел жену, просто раньше назидательного «Валентин!» хватило бы, чтобы прогнать его, а теперь – нет.

Наутро собрались на озеро. Взяли отельные пледы, взрослым – карты, детям – мяч. День выдался жаркий. На такую погоду в августе уже и не надеялись. По крайней мере, не рассчитывали на купание. А тут так разопрели, разгорячились, что Валя, белый до прозрачности и тощий до костлявости, вдруг предложил:

– А почему б нам в озерце не искупаться, м, девчонки?

Алла Павловна сразу отказалась, мол, купальника у меня, Валентин, нету, какое купаться. Да и тина там, пиявки, болезни всякие в стоячей-то воде. А Лада с Юлей загорелись.

– Только ж я купальник не взяла. Прогноз смотрела, думала, холодно будет, – ответила Юля, всматриваясь в лицо

Лады: что она скажет?

– Ой, у меня тоже нет, – глаза Лады хитро блеснули.

– Да что я там не видел, а?! – подмигнул обоим Валя. –
Всё равно мне!

Лада посмотрела на мужа с интересом. Отпуск явно шёл ему на пользу, словно живительного зелья выпил. И Ладе это в нём понравилось. Раздевшись до гола, она даже принялась с мужем баловаться в воде, чего уж и совсем от себя не ожидала. И Алла Павловна тоже не ожидала, только успевала стыдливо отворачиваться от дочкиного безобразия.

– Мочи его! – кричала Лада подруге и прыгала мужу на плечи, дерзко окуная его голову в воду.

Юля сначала не показывалась из воды, только голова торчала, а потом, когда Лада призвала её к игре против Валентина, тоже начала плескаться и прыгать.

Груды Юлины были размера на три больше, чем у Лады. И бились об воду с громким плеском, но Ладу всё это, казалось, нисколько не заботило.

В конце концов, голые попы стали всё чаще выглядывать из воды, и Алла Павловна с ужасом на лице стала звать их на берег. Хорошо, что мальчишки заигрались в мяч и ничего не видели, а то совсем нехорошо получилось бы.

Дома Алла Павловна всё же заметила дочке:

– Это вы сегодня что-то странное, что-то плохое придумали.

– Почему? – посмеялась Лада.

– Ну как это... Лада! Весь срам наружу. И подруга твоя... Голыми местами на Валентина... Постыдились бы.

– Мам, перестань. У нас просто компания такая весёлая.

По правде, Ладе нравилось то, что с ними здесь происходило. В прошлые отпуска Валя утыкался в ноутбук: за две недели кожа голубела от компьютера и он становился похожим на инопланетянина. А в этот раз весь порозовел, дома не сидит, всё с ними ходит. И за любой кипиш: то на велосипедах впереди всех наяривает, то на байдарках крутит педали до одури, с пацанами занимается. Юлька, конечно, с завистью на их семью смотрит, но ведь и Лада теперь сама себе завидует.

Даже ночью, вопреки обыкновению, потянулась к мужу. Это было ещё как-то странно, неестественно для неё. Руки словно в ветки превратились – твёрдые, неживые – но всё же легли на ввалившийся Валин живот.

Он спал. Он теперь вообще спал крепко. Местная хвоя шла ему на пользу. Лада осторожно просунула руку ему в трусы. И вдруг скрипнула дверь. Она испуганно взгляделась в темноту: кто это? Васька, что ли, от матери пришёл?

На пороге стояла Юля. В майке и трусах, с распущенными волосами до пояса – как русалка.

– Лад, – позвала, и по голосу стало понятно, что она плачет.

– Ты чего? – Лада приподнялась на кровати.

Юля присела на край кровати.

– Плохо мне, Лад. Уеду я, наверное. Ты не сильно обидишься, если уеду?

– Господи, да что с тобой? Плачешь ты, что ли? – Лада тронула Юлины волосы, светлые, прекрасные: они были мокрыми от слёз.

– Я смотрю на вас... И вы это... Счастливые такие... А я, а мы... – и зарыдала.

– Вот дурёха! – Лада обняла её. – И у тебя всё будет. Всё будет.

– Мне так одиноко, – простонала Юля.

– Давай, знаешь что? Давай ты ко мне забирайся. Ишь, ей одиноко!

Утром Валентин проснулся и увидел на плече у Лады спящую Джульетту. Она была как неживая: во всём облике её сквозил неземной покой, как в лике божественном. Валентин заворожился, но Ладка проснулась и скомандовала:

– Давай-ка ты нам завтрак приготовь. Маму себе в помощь возьми. Я, вон, Юлькой прижата.

Счастливый, Валя воспарил с кровати и поспешил на кухню.

Он теперь занимался сексом – подумать только! – каждый вечер. Каждый вечер на протяжении двух недель! Был выжат как лимон к концу отдыха, но счастлив, счастлив.

Ваську и сыну Джульетты Мише так понравилось спать вместе, что они, на радость Вале, придумали ложиться возле Ладки.

И кто-то должен был занять освободившееся койко-место возле Джульетты. Он и занял. Приходил к ней в комнату через час-другой после того, как Лада с мальчиками и Алла Павловна засыпали, утомлённые санаторными активностями и лечебными хождениями.

С одиннадцати и до утра у них с Джульеттой была на двоих вся ночь, а к утру он пробирался на раскладушку на кухне. Спал всего пару часов, но просыпался бодрым. Вот уж точно, всё, как Ладка говорила: санаторий здоровье поправляет.

Тут и Ладка стала к нему проситься. Сил, видимо, набралась. Два раза за это время утаскивала его в комнату, пока тёща укладывала Васька, и настойчиво требовала её любить. А вечером у Вали была вторая смена. Энергия тратилась, но не кончалась. Глаза горели, как фары. Валя понимал, что нехорошо это, что измена вроде. И желудок сильнее прежнего болел, как бы искупая его грехи страданиями. Куда ведёт его этот путь, он думать не хотел. Пусть хоть в бездну, лишь бы ещё немного урвать.

В последний день перед отъездом Джульетта превзошла сама себя. Пот между грудей её тёк рекой, и была она мокрая вся, когда он с неё скатился.

– Что дальше-то, Валентин Петрович? – сказала игриво.

Он как-то отшутился, но она тогда поднялась на локте и сказала уже сурово:

– Что смеёшься, Валя?

– Да я ничего.

– Когда решишь уже? Или так и будем? Мне как бы сына растить. Мне мужик в доме нужен.

Он стал обцеловывать её, делать ласковые подношения к её телесному храму (так она сама называла своё тело).

– Толку-то? – она стащила с него одеяло, закуталась в него, как в кокон.

– Я всё решу, – сказал Валя, впопыхах натягивая трусы, и повторил: – Я всё решу.

Валя не помнил, как рассказал Ладе про Джульетту, но решилось всё быстро. В тот же вечер он с мусорными пакетами переселился из пятого в третий подъезд.

Жили хорошо, нормально жили. Сын Джульетты по первости обходил Валью стороной, боялся. А Джульетта была довольна, но ещё не слишком.

– Что там твоя пишет? – спросила однажды, колдуя над завтраком. Валя сидел за столом, прижав к груди голые худые ноги.

– Пишет, что половину дохода должен ей переводить.

– Ага, ещё чего! – засмеялась.

– Сто пятьдесят тогда останется, – рассуждал Валя, не замечая её смеха. – Ну и пусть, Юль. Она же вроде как... обиженная.

– А я что, по-твоему, не обиженная? Калистратов, козли-на, на дитёнка ни копейки не выделяет. Ты давай, Валентин, либо туда, либо сюда.

– Ну да, ну да...

– Не отвечай ей, а то на шею сядет. И с разводом не тяни, мне ведь не шестнадцать. Я как бы и замуж, может быть бы, вышла, – и шлёпнула Джульетта ему яичным блином по тарелке.

Чуть больше полугода прошло с тех пор, как Валя к Сиськиной переехал. Зима подходила к концу, но снег всё кончался, шёл и шёл, словно кто-то там сверху забыл посмотреть на календарь.

До Нового года Лада успела провести месяц в психоневрологическом диспансере. Когда устроилась в местное отделение налоговой кадровиком на полставки, в первый же рабочий день упала прямо в коридоре. Её нашёл автоматизаторщик, вызвали скорую, так и поставили психиатрический диагноз.

Пролечилась, прокапалась. Надо было теперь только в местной поликлинике отмечаться раз в полгода.

Как вышла из больницы, Валя с Сиськиной из двора съехали. Лада слышала от соседки, что эта купила квартиру где-то на Киселёвке. Четырёхкомнатную взяли, она ещё родить хочет.

Лада иссыхала на глазах, зато у Васька неожиданно-негаданно сама собой прошла аллергия. Тело очистилось от пятен и прыщей, стало по-младенчески фарфоровым, каким никогда, с роддома ещё, не было. Алла Павловна не сумела даже порадоваться волшебному исцелению, так как всё время ду-

мала про Ладу, тревожилась, иногда даже мысленно её хорошила.

Носилась с дочкой теперь, как с младенцем: пыталась чем-то накормить, выгулять до магазина, расшевелить наставлениями. Случалось, Лада подскакивала с кровати и начинала швыряться вещами, выгоняла мать. И у Аллы Павловны теперь даже дёргался глаз.

Большую часть дня Алла Павловна стала проводить у подъезда: придерживая Васька за капюшон куртки. Обсуждала с соседками сплетни и телепередачи, решала социальные и политические головоломки.

Со временем Лада всё же пришла в какую-то норму. После работы теперь не просто смотрела в потолок, но что-то даже готовила.

В тот же оттепельный период Алла Павловна превратилась в её главного врага. Бесила Ладу так, как некогда бесил её Валя. Ругались по любому поводу. Лада обвиняла Аллу Павловну во вредящих Ладиной репутации подъездных сплетнях и в том, что именно Алла Павловна разрушила их с Валентином счастливый брак, а теперь ещё, прикрываясь Ладиным нездоровьем, хочет оттяпать у неё сына.

Тем временем Валя внимательно читал цитаты на стене Лады во «ВКонтакте», заходил каждый день на её страницу. Вот женщина придерживает рукой шляпку, смотрит в прекрасную даль, подпись: «Дурное возвращается бумерангом. Брошенные камни прилетают обратно».

И хотел бы Валя так же, как тот камень, вернуться хотя бы на один вечер в свою квартиру. К дивану, где спал, развалившись по-удобному. К телевизору, где поздними вечерами они с тётшей смотрели новости и сериалы: тёща ещё готовила им к этому делу иван-чай и разрешала съесть Вале какую-нибудь булку с жирным сладким кремом, пока Лада не видела. И ведь хорошо было.

Нужно ли говорить, что он обрадовался, когда Лада попросила его отвезти их с Васьком в детскую поликлинику на приём к терапевту. Она хотела выяснить, почему прошла у сына аллергия.

Валя побрился, напшикался новой туалетной водой, которую подарила Джульетта, отмыл машину и в салоне прибрался, чего уж совсем никогда не делал. Джульетта успела раскидать там свои метки: шарфик, расчёску, пакет с туфлями, рабочей сменкой. Надо было это всё куда-то спрятать: собрал в пакет и закинул в багажник.

Лада усадила Ваську сзади на детское кресло, на котором теперь ездил сын Джульетты.

Валя открыл перед ней дверь возле переднего сиденья.

– Прыгай!

Лада растерялась.

– Покажешь мне, куда ехать, – объяснил Валя и сам смутился.

Лада села, поправила меховое пальто. Коленки в толстых коричневых колготках спрятала.

– Не замёрзнешь? – искоса посмотрел на её колени Валя.

За эти полгода Лада как будто постройнела. Лицо заострилось, и взгляд стал глубоким таким, что стыдно под ним. Впрочем, Вале тоже грустно, и грустный морок этот... даже несмотря на хороший секс с Джульеттой... никак не сходил. Легче не становилось: ни от шампанского, которое ему теперь было можно, ни от бургеров, которые он ел сколько хотел.

– Давай подожду вас и потом домой отвезу. Чего вам по сугробам тащиться? – предложил, когда подъехали к поликлинике.

– Мы потом в «Детский мир» за развивашками.

Валя повернулся к сыну:

– Поедьте с папкой? Папка что-нибудь купит.

Васёк радостно закивал. Лада не ответила: печально смотрела в окно.

– Ну так что? – спросил её Валя. – Ждать?

– Как хочешь, – и вышла из машины.

После врача поехали в «Детский мир». За ночь снега навалило столько, что машина подпрыгивала на дороге, как на батуте. Зато снег не успел ещё покрыться пылью, его белизна ослепляла.

По пути Вале придумалось заехать ещё и в «Домино», поесть блинов с вареньем. Когда-то они так и делали, блинчики Лада одобряла. Заказать чая «Экзотика», того, что с кусочками фруктов, сесть у окна и смотреть, как город, укутанный

в снежный мех, темнеет и загорается огнями, а люди спешат домой и от них, как от чая, идёт пар.

Нельзя, у расставания есть свои правила: держать дистанцию, общаться по необходимости, ради ребёнка, и говорить тоже только про него. А Вале, как назло, нестерпимо хотелось спросить у Лады, как дела на новой работе, ходит ли она до сих пор на йогу и как поживает мама. Ну, про маму, наверное, всё-таки можно.

– Как у Аллы Павловны дела? Здоровье как?

– Нормально, – Лада вздохнула. – Приставучая только стала. И в воспитание лезет. Считает, что ребёнка в сад надо, а мы ведь только гв закончили.

– Закончили, да? Молодцы, – Валя повернулся, подмигнул сыну.

В этот момент Лада взглянула на него глазами, полными слёз и ненависти. Вале стало страшно, больше он ни о чём её не спрашивал.

Возле дома Ладу отпустило, перекинулась мыслями на врачиху. Вспомнила, как та сказала, что «стоит ребёнка в покое оставить, так организм сам все процессы налаживает». Ляпнула не подумав, глупая баба. Ребёнка никто в покое не оставлял. Несмотря на то что отец ушёл, внимания малой получает по-прежнему много. От мамы и бабушки. У них всё хорошо. Нет. У НИХ ВСЁ ХОРОШО. Вот так.

Но всё же приятно было после хмурой очереди в поликлинике увидеть в машине Валью. Он их ждал, и ему, в отличие

от всех этих врачей, было не всё равно. Так, по крайней мере, казалось.

«Он как будто другим стал. Мягче, что ли. Куда-то делось прежнее ворчание. Может, пожалел?»

В груди разыгрывалось приятное чувство. Возле дома даже улыбнулась, и Валя успел заметить эту улыбку.

– Что? – спросил и тоже улыбнулся.

– Ничего, – ответила Лада, но от улыбки было уже не отвязаться.

Хотела попросить его кроватку новую для Васька собрать. Какой-никакой, но отец всё же. Думала, будет юлить (всегда до последнего тянул с её просьбами), а тут резво так согласился. Даже стал напрашиваться прямо сейчас с ними пойти. Только кроватку не привезли ещё, поэтому договорились на среду.

Дома уже Лада пыталась понять, ну почему же он так напрашивался к ним. И – что скрывать! – торжествовала, конечно.

А Джульетту в тот вечер тоже кто-то домой подвёз.

Хотя Валя успел за ней на работу заехать, приехал на Коммунистическую и встал возле салона. Но она всё не шла. Через тридцать минут заглянул внутрь, спросил.

– А вы Валентин? – разулыбалась девушка за стойкой. Подтянулись и другие из парикмахерского зала: разглядывали его с интересом и перешёптывались.

– А она уже ушла, – сказала самая старшая из них, с ту-

гими морковными губами. Посмотрела на товарок покровительственно, мол, вот так и надо с ними, и вернулась к клиентке.

– Как это? Почему это ушла? Куда? – бубнил себе под нос Валя, спускаясь с крыльца.

В этот раз Джульетта почему-то решила его не ждать.

Валя рванул домой. Наверное, там уже. Но дома ни её, ни ребёнка не было. Пока ждал, решил прибраться и так успокоить нервы.

Джульетта с сыном явились лишь в десятом часу. К тому моменту Валя оставил ей тринадцать пропущенных. Думал уже, что психанула и уехала к маме в область. Готовился к разбору полётов, но Джульетта заявила в хорошем настроении и даже выпивши.

– Почему не предупредила? – недовольно спросил Валя, помогая ей с курткой.

– Как-то оно, Валюсик, спонтанно вышло. Подруга школьная из другого города приехала, позвала в ресторан, я Мишу из сада забрала и туда. Я её давно не видела. А ты что, за мной приезжал?

– Приезжал, – буркнул Валя. – Как всегда же.

– У-у-у! Мой шладкий!

– А что за подруга? Ты не говорила.

– Я много чего тебе не говорила, – сказала Джульетта и направилась в ванну. – В отношениях мужчины и женщины должна быть тайна, понимаешь? Я не хочу тебе наскучить.

Пока Джульетта шумела душем в ванне, Валя налил её сыну супа.

– Смотри, может быть горячий, – предупредил Мишу. – Я не знал, когда вас ждать. Грел несколько раз. И вот – перегрел.

Джульеттин сын набросился на суп, как саранча на посевы. Уходя с кухни, Валя с интересом взглянул на него.

– Ты чего голодный такой?

– Вкусно очень, – ответил тот с набитым ртом.

И как будто всё снова правильно в жизни. Ни к чему были эти метания. Постучал в ванну. Джульетта любила, когда он заходил, рассказывала ему тогда про работу, про клиентов; стригла она только мужчин, и часто таки-и-ие кадры попадались. Но в этот раз, когда он вошёл, дёрнулась.

– Ты чего? – спросил.

– Ничего. Стучать надо.

– Я ж постучал, – Валя заметил телефон, лежащий на раковине, на нём светились капельки воды. – А куда вы с другой ходили?

– Да в «Марусю».

– И ты там так набралась? – Валя смотрел на неё, как на неразумного ребёнка, умилялся, отдыхал глазами на бархатном, распаренном, изобильном теле.

– На голодный желудок просто. Я ж с работы была, – Джульетта собрала свои светлые кукольные волосы в хвост, потом свернула дульку и заколола.

– А пацан-то совсем в «Марусе» не наелся, на суп, знаешь как, налетел, – сказал и заметил красные следы вокруг её шеи, следы пальцев на белых руках. – А это у тебя что?

И снова собирал вещи. И снова в мусорные пакеты. Нет, то было не мистическое совпадение, просто с такими пакетами оказалось удобнее: они были прочными и вместительными.

Брать ему, кроме одежды и ноутбука, было по сути нечего. Всё здесь – и сама квартира – принадлежало Джульетте. Ипотеку брала она, первоначальным взносом стала её старая двушка от Калистратова. Валя пока только планировал вкладываться в платежи, но не успел внести ни одного. Зато, как выяснилось, вносили другие.

Закидывая вещи в чёрную дыру, Валя ещё не вполне осознавал, куда пойдёт и как ему теперь быть. Джульетта кричала, что, вообще-то, она со всеми порвала ради него, а среди них были даже – детский хирург, главврач из областной, и какой-то генерал, не абы кто, короче. Только от какого-то майора отделаться никак не могла. Вот ни в какую не принимал отказ. Якобы поэтому с ним и встретиться пришлось.

– Не говори мне это. Не рассказывай мне всё эту мерзость! Ещё и при ребёнке, – отмахивался Валя.

Джульетта металась из комнаты в комнату. И Валя तो-ропился убраться, пока не началась драка. Ведь и так уже несколько раз подсакивала к нему.

«А ты думал, что в сказку попал? Ты скажи, нет, скажи. Я, по-твоему, принцесса? Я человек, и у меня тоже чувства

есть. Не могу я вот так его бросить! Надо расставаться по-человечески! Нет, ты что, опять к жене? Ты специально так придумал: попользовался, и теперь назад, к мамке. А? Ловко, Валентин, как ловко! Да ты тому майору в подмётки не годишься! Ну, не пори ты горячку, Валя. Ну, переночуй хоть, а утром... Утром мы на свежую голову всё обсудим. Вот, гляди, я уже звоню ему. Слушай, я сейчас уже буду говорить. Я с ним сейчас же порву, Валя. Вот сейчас. Гудки уже. Погоди».

Тёщи дома не было, когда Валя на следующий день приехал собирать кровать.

– За хлебом побежала. Малой весь хлеб дома съел. А у нас тут суп куриный сготовился, будешь? – спросила Лада, но ни разу не взглянула на него.

Валя слабо кивнул. Присел за кухонный диванчик, оглядел кухню. Всё здесь было как раньше: салфеточки вязанные на столе – тёщиного производства, огонь в конфорках подрагивал, закипала вода в чайнике. Спокойно и уютно, не как в его шекспировской трагедии.

– Мама против не будет, – сказала Лада, наливая суп.

Одета она была не по-домашнему.

– Ты собралась куда-то? – спросил.

Помолчала, зависнув над кастрюлей, а потом ответила:

– С чего это?

– Ну, ты просто как-то одета... Выглядишь как-то...

– Я всегда так. Нормально я выгляжу.

Зря вообще спросил. Бредово вышло. К счастью, заскрежетал ключ в замке, и не пришлось оправдываться.

– А, Валентин. Пришёл уже? Здравствуй!

Тёща вернулась, и Лада вышла в коридор забрала у неё пакеты.

– Он поест и пойдёт собирать, – бегло объяснила. – Потом тогда вы с малым приходите обедать.

– Ну-ну, – сказала тёща и смерила сначала Ладу, а потом и Валу подозрительным взглядом.

– Пусть приходят, не мешают же, – робко произнёс Валя. Ему было неловко, что из-за него сын и тёща вынуждены терпеть голод.

– Мне мешают, – недовольно шепнула Лада.

Вася с удивлением поднял на неё глаза, и Лада выразительно на него посмотрела, мол, вот так у нас теперь.

Видимо, не вытерпев, зашла в кухню тёща:

– Ну? Как лапша? – спросила холодным тоном.

– Как всегда. Как всегда, вкусно, – заискивающе ответил Валя.

А Лада при маме снова стала серьёзной.

– Ага, – сказала тёща, потолкалась у плиты и квакнула снова: – Ага.

Выходя из кухни, она ещё раз обернулась. Лада позвала Валу в спальню.

«Вот!» – указала на большую коробку у стены и вышла.

Валя потом слышал, как Лада с мамой на кухне сидели,

вроде чай пили. Алла Павловна рассказывала, как ей в магазине на кассе дважды пробили «Бородинский», хотя у неё был «Бородинский» и «Строгановский». Молодёжь нынче невнимательная, потому что в телефонах сидят. Потом речь зашла о походе в поликлинику к сосудистому хирургу, там уже что-то с очередью не так было. Говорила в основном тёща, Лада молчала, будто бы её там вообще не было, но она там точно была, иначе с кем бы тогда Алла Павловна говорила.

К чаю Валу не позвали, а у него в горле уже так пересохло, что нёбо прилипло к языку. Но он стеснялся попросить воды, боялся, что выскажут за всё.

Читал под тусклым потолочным светом инструкции, раскладывал деревяшки в нужном порядке, искал болты. И впервые после истории с майором чувствовал покой, словно в храм зашёл помолиться. Никогда в храме не был, а тут такое чувство, словно он там был и знал, каково это.

И если на кухне ему было неловко – он всё подбирал слова и ловил выражение Ладиного лица – то здесь, в комнате, всё было иначе.

Вот деревянные рейки, болты, инструкция. Вот тумбы и кровать. Цельное дерево, вообще-то. А там на кухне – его жена.

«Всё моё тут. И всё оставлено, брошено на полпути». Но хоть кроватку дособеру, решил с досадой. Вдруг дверь пахнулась, и Лада, вся нервная, зыркнула на конструкцию,

сказала:

– Потом как-нибудь дособираешь. Васька надо класть, и тебе, наверное, кхм, домой надо.

Слово это «домой» она сказала так резко, словно водой в лицо плеснула, и Вале не по себе стало.

Отель – не дом. И квартира бывшей любовницы тоже не стала ему домом. Тут мой дом! – хотелось взмолиться и рассказать Ладе, что случилось, как он выяснил, что Джульетта обманывала его, как унижительно это было узнать и как больно. Но ему ли это ей рассказывать?

Обуваясь, Валя ещё раз отметил про себя, как уютно в кухне светила вытяжка, и как покойно тёща сидела за столом с чаем, а в зале бубнил телевизор. *«Сейчас сколько? Девять? Сериал начнётся вот-вот, который с тёщей смотрели».*

Алла Павловна, не поднимаясь, попрощалась. В последний момент Васька подвели его обнять. Заставили, а сам ни-ни, прятался. Но когда обнял, тогда уже сам Валя глаза спря-тал и заторопился прочь.

Быть отцом, быть мужем – ежедневный выбор, но Валю это словно миновало. Не делал он никакого выбора. Влюбил-ся, женился, расплодился. Плыл себе, плыл. И к своим трид-цати годам приплыл куда-то, непонятно куда.

Раньше хоть берега были: ипотеку оформить, ребёнка ро-дить, дачу купить. Было хотя бы ясно, что делать. А теперь что? Жил без всякой мысли, без идеи, ни за чем.

Куда дальше? В какой сторону грести теперь? Кто подска-

жет?

А Валя и без вёсел даже. И никогда у него их, этих вёсел, не было. Течение несло, а он не думал.

И вдруг нести перестало. Он один. В комнате отеля. Пахнет дешёвым мылом и немного хлоркой. Скрипит накрахмаленное постельное, от него кожа чешется. Матрас говённый. Пульт от телевизора сломанный. И сам телевизор старый.

– Гребь отсюда, – в голове ответ.

– Дайте вёсла!

– Нет их. Гребь чем придётся. Или в воду прыгай, плыви.

– Берега не видно, я же утонуть могу.

– Можешь.

– А если останусь, умру.

– Умрёшь.

– Да про что мы вообще говорим, блин? И ты вообще кто?

– Не ной. И не торгуйся. Гребь по жизни сам, если жить хочешь.

Валя стёк в кресло и закрыл лицо руками.

Год прошёл с тех пор. Я встретила их как-то в парке. Они шли за ручку, говорили и даже не заметили меня, а я ведь прошла совсем рядом.

Может, нарочно не заметили. Наверное, им не хотелось ничего никому объяснять.

И ведь понять можно. Жизнь семейная утыкана джульеттами, и если не держишь курс, то течение подхватит и унесёт тебя к ним. Бывает, так давно в пути, что и не помнишь,

ради чего в плавание вышел.

Мне показалось, что они теперь влюблены друг в друга даже сильнее, чем раньше. Я это у них на лицах прочитала. Но там же, только в сноске, было ещё и про долгие разговоры, и про слёзы, и про отчаяние, и, конечно, про любовь, которая всё перенесёт.

Золотой час

Уютный выдался в этом году сентябрь. Без слякоти и дождей, без докучливого ветра, с мягким солнцем. Клёны и осины на участке Лидии Корякиной переливались всеми оттенками осени – медовым, тыквенным, ржано-коричневым – и укрывали чёрную кожу земли пёстрым ковром из листьев.

Но всё это было уже неважно, потому что Лидия Корякина умирала.

Внешне цветущая (фигура, хоть и высохла, но сохранила соблазнительную пропорцию) и продуктивная (первый человек на мебельной фабрике – главбух!), она умирала от сердечной боли. И всё это из-за какой-то пигалицы.

Ленка появилась в их семье шесть лет назад, и с тех пор Олежа стал нелюдимым и даже неопрятным. С каждым годом он всё больше исключал мать из своей жизни и вчера – венец многолетней Ленкиной пропаганды! – решил окончательно её предать.

– А ведь как жизнь повернулась, Пётр Иванович! – выложила Лидия мужу, к обеду придя в себя после вчерашней стычки.

Пётр Иванович растерянно потёр свой серебристый ёжик.
– Защищает он её. Защитник! А меня кто защитит? – на мужа изо рта Лидии летели капли слюны. – А она, слышь? Она ещё зыркает на меня, надменно так, мол, как вам такое,

Лидия Олеговна? Съели, а?

– Ну это ты, Лида... перегибаешь ты это, – буркнул муж.
– Ты ж сама полезла в эти их дела. Ну... Как оно? Ну... С ребёнком то бишь.

– Петя, ты что, я просто поинтересовалась! Я переживаю за них. У меня же врачи знакомые в администрации. Могли ли бы Ленку на обследование отправить. В Москву даже могли бы!

– Да лучше бы ты всё же не лезла. Сами разберутся, – Пётр Иванович потёр колени, как бы закругляя разговор, и поднялся. – Пойду я до Савельича дойду. Ты это... Ну ладно...

Лидия посмотрела как бы сквозь мужа и продолжила говорить уже писклявым голосом, передразнивая невестку:

– Ваше место, мама, сзади, говорит она мне. А я, между прочим, Петя, двести тысяч Олегу на эту машину добавила. Что я, не имею права проехаться возле сына на переднем сиденье?

Но ей никто не ответил.

Через полчаса, выговорившись, Лидия почувствовала, что ей стало лучше. Она вообще привыкла утешаться сама. Всё сама. И когда в начале двухтысячных денег не было, и когда её предприятие закрыли, и когда потом занимала по соседям деньги, чтобы собрать сына в школу. Где был этот умник Петька? Он не просыхал!

Зато сын помогал. По-детски, как мог, но заботился. Так было всегда. Пока не появилась Ленка.

Лидия сходила в магазин, протёрла «уши» сансевичерии, подлила удобрение и уселась перед телевизором с чашкой чая и пачкой яблочного зефира. Порыдала над судьбой Франсиски, которой после смерти мужа досталась фазенда со строптивыми рабами; удивилась тому, что в Челябинске мужчина содержал дома тигрёнка и тот от него сбежал, теперь весь город на ушах — ох! — людям и до магазина боязно выйти; немного порасследовала убийство из документальной передачи.

Когда все дела были сделаны, Лидия взглянула на часы: только двенадцать. Во дворе, как чайки над добычей, пронзительно кричали дети, а в квартире ничто не шелохнётся. Смертью повеяло. Нет, нет, нет! Лидия схватилась за мобильный телефон, как за ниточку спасения. Написать сыну? Но ведь он, подлец, даже не извинился за вчерашнее.

Лидию аж затошнило, когда вспомнила, как сын кричал ей:

«Что ты к Лене прицепилась? Что она тебе сделала? Дома сидит без дела? Не готовит, не уважает, в ножки тебе не кланяется? Родить не может? Сколько ещё таких претензий мы будем выслушивать? Жизни с тобой нет!»

Лидия зажмурилась, надеясь, раствориться в черноте ничего невидения, но перед глазами снова всплыл образ сына, который, пока говорил ей всю эту мерзость, зажимал себе горло, изображая удавку. Это она, что ли, удавка? Та, что дала жизнь? Та, что хотела помочь? Лидия представила, на-

сколько она больше не нужна Олегу, и схватила за сердце.

Наверное, умру сейчас. Надо написать сыну, пока не поздно. Извиниться напоследок, сказать, что люблю его.

«Привет, сынок. Как дела?»

Олег не ответил. Он не ответил ни через пять минут, ни через пятнадцать. Тишина упрямо продолжала накатывать и давить её. Она выглянула во двор: листва всё так же уютно отливала кофе и мёдом. Лидия облизнула тонкие сухие губы и снова взялась за телефон:

«Надо листья во дворе собрать. Ни пройти, ни проехать».

Наконец, две галочки стали зелёными. Олег печатал. У Лидии дрожали руки, словно восточку от первой любви ждала.

«Мам, мы хотели сегодня в кино сходить. Папа не может?»

«Папа давно ничего не может и, главное, не хочет. Только благодаря мне ты ни в чём не нуждался. Я работала за двоих и любила тебя за двоих», – со злостью проговорила про себя Лидия, а написала вот это:

«У него спина. Звонил бы чаще – знал».

Отправила. Затем, слегка высунув язык, дописала:

«В кино, конечно, важнее. Это понятно».

И следом ещё:

«Ладно, я сама. Как всегда».

Ответ пришёл быстро. Техника налаженная, работает безотказно вот уже почти тридцать лет:

«Я буду в пять».

«Спасибо, сынок. Я картошки нажарю с салъцем».

Забегала в туалет, протёрла вспотевшие подмышки, заправила за уши выбившиеся из краба тусклые каштановые волосы, посмотрела в зеркало: щеки налились яблочной свежестью и приобрели яблочную же покатость. Улыбнулась нежным морщинкам у глаз и отправилась хлопотать на кухню.

Хорошая осень в этом году! Захотелось чая, крепкого такого, янтарного, с лимоном и с кусочком фирменного «Наполеона». И почему бы не приготовить?

Доедая третий кусок маминого торта, Олег вдруг вспомнил, что в последний раз мама готовила «Наполеон» спустя месяц после его свадьбы – готовила для Лены. Теперь такое и вообразить сложно, а ведь как хорошо начиналось.

– Заходите, дорогие, – когда мама распахнула перед ними дверь, на ней была новая полупрозрачная синяя блуза и фартук поверх. – Проморозились? Носы, вижу, красные.

– Мы на такси, мам.

– На такси? Да тут от остановки два шага. Только деньги зря потратили!

Лена уже сняла сапоги, но всё равно толклась у двери, за спиной у Олега. Олег понял, что Лена испугалась маминого замечания про деньги, ведь это именно она настояла на такси.

– Нам так удобнее, – ответил Олег с усмешкой, и, обернувшись, улыбнулся Лене.

– Не знаю, ты всегда на трамвае ездил, – заглянув за спину Олега, Лидия ласково обратилась к невестке. – Леночка, вот тапки. Надевай, а то по полу тянет. Не пойму – от двери или от окна? Петя! Я говорю детям: вот тянет же! Залей ты уже рамы эти пеной строительной или чем там! Слышишь, нет?

Потом Лидия вздохнула и двинулась в зал, где Пётр Иванович возился на ковре с какими-то металлическими деталями.

Пока родители спорили: мама, нависая над отцом, а он – тихо отбрёхиваясь, Олег потянул Лену в свою комнату, где на диване обнаружил примятую подушку и скукожившееся одеяло.

– Пап, – крикнул Олег из комнаты. Лена в это время ради забавы взвешивалась на весах. – Ты, что ли, тут поселился?

– На хрен мне оно надо, – буркнул Пётр Иванович и потом прибавил громче: – Это всё мать твоя. Ей там, видите ли, спится лучше.

Сложив диван и свернув постельное бельё в рулет, Олег бухнулся на диван, Лена села рядом.

В апельсиновом свете люстры всё казалось ему уютным и родным. Но было и что-то новое, то, чего он никак не мог обнаружить. Может, чище стало? Да, ни пылинки. И, хоть сильно топили батареи, всё равно дышалось легко. Это всё благодаря маме, конечно.

С грустью Олег осознал, что от недели к неделе комната всё меньше становилась «его». Пушистая от снега ветка яблони, растущая в их саду, звонко постучала в окно, приветствуя Олега. Он видел эту яблоню во всех одеждах – летней, осенней, зимней. Он любовно провёл рукой по истёртой обивке дивана. Олег скучал, но боялся себе в том признать. Стыдно. Не имел он больше прав на эти клочки детской жизни. Теперь он муж, глава семьи. Олег потянулся к рабочему столу и вытащил из ящичка маленькие фигурки.

– Всё хотел тебе показать коллекцию «киндеров», – начал он рассказывать жене, но в комнату вошла мама и перебила.

– Ага, точно! Коллекция! – усмехнулась. Встала посреди комнаты, уткнула руки в боки и с гордым видом осмотрела результаты не то уборки, не то, судя по масштабу усилий, ремонта. – Мне бухгалтерия подарила печенье, в коробке такой красивой. Я твои машинки туда переложил. Ну те, что с полки... Огород мой кончился, вот решила порядок у тебя навести. Отец рыпнулся покрывки сюда составить, но я не позволила.

Однако Олег не слушал, он увлечённо рассказывал Лене, как долго ему не попадался в «Киндер-сюрпризе» один конкретный бегемотик и как он был рад, когда, наконец, попался.

– Олег, ты лучше покажи Лене грамоты свои, а не побрякушки эти. Вон, у тебя сколько наград! – Лидия кивнула в сторону грамот, медалей и благодарственных писем, разве-

шанных на стене лесенкой – по присужденным местам. Всё было классифицировано и по видам активностей: футбол, волейбол, кружок роботостроения и всякого разного.

Ответом ей снова была тишина. Олег говорил только с Леной, а теперь ещё и гладил её по спине.

– Лена, – позвала Лидия невестку к столу с фотографиями. – Иди покажу тебе твоего мужа. Такой он смешной тут, ещё маленький.

Олег вспомнил, что мать в прошлый раз уже показывала эти фотографии, засунутые в рамки и расставленные подобно иконостасу, но не стал ничего говорить. Видел, что для мамы это большая радость.

Лидия рассказывала про каждую фотографию, натирая пальцами и без того чистые стёкла рамок. Вот Олегу шесть, поехали к бабушке и дедушке в Витебск. В купе – маленький мальчик со взъерошенными светлыми волосами показывает язык, а рядом, через подвесной стол сидит и улыбается Лидия с распущенными каштановыми волосами, которые кольцами-кудрями лежат по плечам.

Лидия покачала головой, грустно удивляясь, куда всё это уходит. Молодость, светлые деньки и тот маленький мальчик, который засыпал, уткнувшись в её плечо.

На другой фотографии Олегу одиннадцать, его команда по волейболу заняла первое место. Вот ему уже пятнадцать – они с Лидией стоят на фоне моря. Олег на голову выше матери, шуруется на солнце. В купальнике Лидия как спортсмен-

ка: красивая, ноги и живот ещё подтянуты, никакой дряблости или жирка.

– Да-а, – мечтательно протянула Лидия, поворачиваясь к Олегу. – Раньше хоть стройный, спортивный был. А теперь... Тю! ... Разъелся.

Лена сделала вид, что смотрит на мужа строго, но глазами посмеивалась.

– Мам, ну, хватит. Всё со мной в порядке, – улыбнулся Олег в сторону Лены.

– Нет. Не в порядке, дорогой мой. Пузо висит, не стриженный какой-то, – Лидия сморщилась, глядя на волосы сына.

– Так модно. И нет у меня пуза, это футболка такая.

– Не знаю, Олежа. – Лидия покачала головой и, скользнув взглядом по невестке, добавила: – Готовить надо лёгкую еду. И переставали бы вы заказывать.

– А мы почти не заказываем, я сам готовлю, – ответил Олег.

– А-а, – протянула Лидия, как будто что-то поняла и молча вышла из комнаты.

После ужина Олег с Леной снова пришли в комнату, чтобы передохнуть и вызвать такси. Олег разложил диван, поставил диванные подушки у стены, и они улеглись.

– Так странно бывать здесь с тобой. Я же на этом диване лежал, когда увидел твой профиль в «ВКонтакте» и потом уснуть не мог.

Он повернулся в сторону Лены и взглянул на неё с огром-

ной нежностью. Лена протянула руки к мужу, потянулась поцеловать, и в этот момент в комнате снова возникла мама.

– Лежите, отдыхаете? Наелись?

– Ага, – ответил Олег вяло, надеясь, что это сподвигнет мать не продолжать разговор и выйти. – Сейчас такси будем вызывать.

– Какое такси? Зачем? Оставайтесь. А утром ещё покушаете и тогда уже поедете.

Лена не любила ночевать вне дома, но Олегу сегодня было так хорошо здесь, что он попытался уговорить жену.

– Лена, чего ты? – вторила ему мама. – Куда вы в ночь поедете?

В итоге Лена сдалась.

– Вот и хорошо, – сказала мама. – Пойду чай поставлю, посидим втроём, поболтаем.

– А чего втроём? – удивился Олег.

– Так, этот опять к Савельичу пошёл. Что-то ему там надо срочно приладить, – отмахнулась Лидия. – Ой, пусть. Туда ему и дорога.

Мама ушла. Олег же, обсудив с Леной идею остаться, вскоре пришёл на кухню.

– Не, мам. Мы всё-таки поедем.

Мать вскинула на него усталые глаза. И, отвернувшись к плите, начала протирать уже чистую столешницу.

– Ну и не надо, – отмахнулась.

Олег вздохнул и присел за стол.

– Знаешь, что, Олежа, – зашипела Лидия вдруг и наклонилась прямо к его лицу. Олег понял: мама не хочет, чтобы её слова слышала Лена. – Я твоему отцу всю жизнь готовила, ухаживала за ним и только благодаря мне у тебя сейчас есть живой отец. Иначе спился бы давно...

– И что?

– А то! Мужик должен мужскими делами заниматься. Не бегать ручки наглаживать!

Олег вскинул брови и, глянув на закрытую в комнату дверь, прошипел в ответ:

– Я не мужик, по-твоему?

– Не мужик, раз у плиты стоишь, – ответила Лидия и запнулась: скрипнула дверь. – Ты мне скажи, почему Лена не готовит?

– Олег, машина ждёт! – голос Лены из коридора.

Олег хотел ответить маме, но в итоге только махнул рукой.

– Одевайся, а я подарок захвачу, – сказал он в коридоре жене и пошёл в свою комнату.

В комнате он ещё раз посмотрел на россыпь рамок для фотографий; на стену, усеянную медалями, подобно генеральской груди; на начищенные до блеска полки, где, как музейные экспонаты, стояла по сути всякая ерунда, ранее валявшаяся у него по карманам курток и джинсов. Рылась! – со злостью заключил Олег.

Ему вдруг стало душно, точно горло перехватили удавкой. Голая ветка яблони не унималась, всё грозила в окно. Ста-

рый диван в цветочек показался каким-то бабским. Оранжевый тусклый свет старческого плафона начал высасывать из него жизнь. Олег схватил пакет и выскочил из комнаты, как из замка с привидениями.

А Лена всё-таки слышала их разговор на кухне, потому что уже в такси объявила Олегу, что больше в гости к его родителям не поедет.

Олег вывалился из воспоминания с головной болью и комом в горле. Перед ним сидела мама и с тихой радостью смотрела, как он ест.

– Подложить тебе ещё тортика, Олежа?

Словно все вчерашние обиды забылись, они снова пили вместе чай. Как в старые добрые.

– Не надо, мам. Я хотел сказать... Я вчера наговорил тебе... Ты пойми меня...

– Не говори, Олежа. Я понимаю тебя. Я понимаю тебя даже лучше, чем ты сам себя. Да и была не права я всё же. Лене нелегко, что я, не знаю, что ли?

– Понимаешь, мам, Лене не нравится, когда ты сильно лезешь.

– Лезу?

– Ну, участвуешь в нашей жизни.

– Я же просто помочь вам хотела, а ты набросился. Ещё и по пути на кладбище... Знаешь ведь, в каком состоянии я обычно езжу к маме на могилку, – Лидия взяла заварник, и

приятно зажурчал чай по кружкам. – Нет, давай всё же не будем ссориться.

В тот вечер Олег уехал домой, уверенный, что вчера поргорячился, а Лена перегибает палку. В подтверждение этой своей мысли он припомнил случай с прошлогодним отпуском, он тогда позвонил маме, чтобы рассказать радостную новость:

– Мы, в общем... Едем в отпуск в Таиланд, мам.

– В ноябре?

– В конце ноября. Ну? Как тебе новостёнка? Не ожидала?

– Такого да, не ожидала. Думала, другим порадуете. А вы опять взялись за свои безумства.

– Почему безумства? В Таиланде в ноябре – самый сезон.

– Я понимаю про сезон. Это всё хорошо, конечно. Но на-верное, дорого? Дорого же?

– Лена со скидкой путёвки нашла. Её знакомая турагент...

– А-а, Лена! – усмехнулась Лидия. – Олег, ну у тебя ра-бота. Под конец года разве отчёты вам делать не надо? Ты старший бухгалтер. Хочешь сейчас всё бросить?

– Мам, всё у меня нормально.

– Тебя просто уволят скоро, а Лена никак не наотдыхает-ся всё, – Лидия цокнула языком. – Дома сидит и устаёт. Ко-медия!

– Она дома по здоровью, ты же знаешь.

– Да-да, мы все по здоровью. Я, например, Олежа, вооб-ще не знаю, как буду, когда ты уедешь на другой край земли.

Если что-то случится, мне к кому бежать? Сердце пошаливает, ты же знаешь. Отца твоего дома не бывает, знаешь же. Но ты решил взять и поехать отдыхать чёрт-те куда. А почему летом бы не поехать, как все люди? В Сочи, например? Надо вам в чужой климат, вирусы собирать, будто их здесь у нас мало. Это же акклиматизация будет, проваляетесь там неделю в болезнях – вот и весь отдых. А деньги просодите!

– Лена не любит Сочи. И я, если честно... Ну и сравнила ты!

– Лена твоя занимается ерундой, Олег. Хоть бы глаза протёр. И вообще, другим ты стал. Заладил: Лена то, Лена это. У тебя, у самого мнение хоть осталось?

– Да что ты пристала-то к ней? Я тоже хочу в Таиланд. И на работе я всё устроил уже, чтобы...

– Олег, я главный бухгалтер, и я знаю, что творится в бухгалтерии в конце года. Знаешь, что я тебе скажу?

– ...Но отдыхать же когда-то надо!

– Перед тем как отдыхать, Олег, надо научиться работать. А вы с Леной только и делаете, что отдыхаете. Только-только вернулись из Турции. И вот опять. Пожиратели впечатлений! Вам хоть скопить что-то удастся? Вот ребёнок у вас когда родится...

– Мам, хватит, всё. Я просил же.

– Вот! Как всегда. Позвонил, наговорил, и «мам, хватит». А мне сиди и думай теперь, переживай. Правильно, бросай мать! Может, я тебе и не нужна совсем? Может, будешь рад,

когда помру?

(А ведь мама просто переживала за нас, подумал Олег. Если бы Лена не обостряла...)

– Я маме объявил, что мы в Таиланд едем, – сказал он жене после звонка.

– Олег, я просила тебя: давай дотянем до дня отъезда. Она теперь все нервы вытреплет.

– Она мне уже на работе их вытрепала, – хихикнул Олег.

– И что сказала?

– Сказала, что надо в Сочи ехать. И что ты не патриотка, – Олег снова хихикнул.

– Ничего нового. А ты молчал, наверное?

– Нет, ты что. Я сразу сказал, что это вообще моя идея, а не твоя.

– А если бы и моя? Зачем ты перед ней оправдываешься, как школьник?

– Да не оправдывался я, просто сказал.

– Наверное, ещё извинился за то, что в отпуск пойдешь?

– Она против отпуска не была. Она за то, чтобы копили деньги для ребёнка, чтобы не тратили лишнего.

– Отлично, она ещё и про это в курсе!

– Лен, я ей ничего не говорил. Это она сама... догадалась.

– Господи, некоторым людям надо прям в душу залезть и там нагадить. Она будто твоя вторая жена. Хотя, почему вторая? Была б её воля, она бы из меня инкубатор сделала, и с сыночком своим детей моих растила.

– Да что ты такое говоришь? Господи. Она просто переживает, она же мать.

– Да, а я не мать! Скажи уже, что недоговорил.

– Не говорил я... Блин, что происходит? Почему так сложно-то с вами, а? Я всё делаю. Я стараюсь. Работаю в этой бухгалтерии сраной, чтоб деньги были. Сам бы давно плюнул и... ай, неважно! Лен! Ну что я не так-то сказал?

– Ничего! Сказал всё, как обычно. Мне нервничать нельзя, а я опять из-за твоей матери... Знаешь, я сейчас с ней сама поговорю, раз ты не можешь её на место поставить.

– Да не надо, блин! Лена!

– Нет, Олег. Я хочу попросить её не лезть к нам.

– Ладно, ты только поспокойнее.

И Лена написала Лидии, что дома у них скандал из-за её дневного разговора с сыном. Лидия, глотая успокоительное, ответила невестке, что она вообще ни при чем и настоятельно попросила не делать её крайней в многочисленных ссорах молодой семьи. Лена оскорбилась и сказала, что вовсе они и не многочисленные. На это она получила ответ: в семье, где мудрая жена, ссор вообще не бывает.

В ярости Лена отбросила телефон и заявила мужу, что никуда не поедет, что отдых для неё будет не отдыхом. Олегу тогда почему-то вспомнился отец: захотелось уйти из дома или выпить, но дома были только лечебные настойки, противные на вкус, поэтому он просто топтался в нерешительности на кухне у окна.

Через пару минут он всё же почувствовал в себе силы на новую попытку разговора с женой, и в этот момент ему пришло сообщение от матери:

«Ты что, ей всё рассказываешь? Матери уже и сказать тебе ничего нельзя».

Да, Лена сама лезет на рожон. Ей бы помягче быть к све-крови, снисходительнее. И всё наладится. Не такой уж мама и монстр. Этим открытием Олег поделился с женой, когда приехал домой от мамы, наевшись «Наполеона».

Тем же вечером Лена собрала вещи и переехала к родителям, а через месяц они развелись, – и мать хлынула в жизнь Олега мощным потоком, быстрой рекой прорвала хлипкую плотину.

Звонила она теперь чаще: обсуждали бухгалтерские проблемы. После развода проблем на работе у Олега стало больше, им было, что обсудить. Ещё – приносила еду в контейнерах на дом и даже порой убиралась у Олега дома.

От боли и внезапного одиночества Олег сначала охотно принимал материнскую заботу, и за этот месяц они даже стали ближе, дружнее. Но однажды ночью ему приснился сон, где он занимался любовью: дико, страстно, без оглядки на нормы и правила, как никогда в жизни. Женщина извивалась, волосы елозили по лицу и полностью закрывали его. В кульминационный момент женщина взмахнула головой, и Олег увидел маму. От ужаса он сразу же проснулся. И уже не мог общаться с ней, как раньше. Ощущал отвращение от

её навязчивости и стыд за то, что ему приснилось.

Потом Олег перепробовал всё, чтобы вернуть Лену. Уговаривал, умолял, даже ползал на коленях в подъезде Лениных родителей. Писал, звонил, пока она его не заблокировала. И дальше уже сам никому не отвечал.

Однажды пошёл не на работу, а в строительный магазин. Купил всё необходимое и повесился на люстре. Так и нашли его тем вечером родители.

Осень была на исходе. Голые ветки оставляли шрамы на хмуром небе. Стайки листьев уже не шептались, не кружились, а примерзали к остывающей земле и покорно становились её частью.

Стихли детские голоса за окном. Ребята, страшась лютého ноябрьского ветра, сидели по домам и ждали первого снега. Только в доме Лидии Корякиной чувствовалось оживление: дни её снова наполнились заботами. Каждую субботу надо было листву собрать, конфетки разложить, новости у могилки рассказать. Сын теперь лежал рядом, две улицы пройти.

Протирает Лидия фотографию задрогшей рукой и приговаривает:

«Эх, довела она тебя. Ну ничего, Олежа, скоро и я к тебе лягу».

И слова её мечутся, быются, запутываются в вихляниях ветра. Закручиваются в воронку, как в пуповину. И несутся куда-то в небо, высоко-высоко.

Жирная

I

– А у нас тут только так: ты либо вджобываешь по полной, либо идешь на хрен, – заявила Люба Новенькой на созвоне по проекту.

Сомкнув напомаженные губы, она промаслила их друг об друга и жизнеутверждающе чпокнула прямо в экран ноутбука, Новенькая дернулась.

– Говно у нас в компании не делают, – подмигнула она Новенькой.

Две недели назад Люба собеседовала Новенькую на работу. Потом перед своей руководительницей Таней Началовой защищала ее наем: как ни крути, а отыскала в море, извините, говна редкую рыбку: за спиной у Новенькой десятки успешных кейсов, она спец с опытом; работала в «Школа-логии» на позиции редактора, и спустя два года уходила из компании руководителем отдела в семь человек, затащила 100+ курсов с 1300+ экспертами в 10+ предметных областях. Шикарный трекшн за такой срок.

На общей планерке Таня благодарила Любу – перед всей редакцией! – за то, что та вот уже полгода в одного затаскивает наем новых редакторов. «Без Любы я бы вскрылась», – сказала тогда Таня, а потом затянулась вейпом и скрылась в дымной воронке, заполонившей окно «Зума».

Новенькая, казалось, была благодарна Любе, слушала ее, казалось, всем телом, пока они ждали дизайнера. Плечи Новенькой от страха приклеились к ушам, глаза бегали, волосы всё время поправляла, от этих касаний они обмаслились и висели, как ивовые ветки.

– Ночь целую пилили «Твой Класс». И вот новый день, и снова здравствуйте, – Люба посмеялась. – Дизайнеры, редакторы, прогеры, да все. Подключались, работали, отключались, потом новые подключались, – Люба стянула волосы на затылке, завязала в резинку, удовлетворенно вздохнула, вспоминая продуктивную рабочую ночь.

– «Твой Класс» – это то, что мы сейчас обсуждать будем, так? – нервно, не попадая в радостные Любины ноты, спросила Новенькая.

– Да, – буркнула Люба. Ясно, что Новенькая не удосужилась даже повестку встречи изучить.

– И еще вопрос, можно?

– Можно.

– «Твой Класс» – это же стартап «Игрошколы»? Я просто полазила в доках перед встречей, и там не всё понятно.

– Что ж там непонятного? – ухмыльнулась Люба, это она писала доки к проекту. – Да, стартап по задумке нашего главного. И да, поэтому критично сделать все звездато. Но ты не ссы, быстро вкатишься. У тебя есть Андрей Питонов и я, проонбордим враз.

Пока Люба говорила, Новенькая размыла задний фон у

себя в «Зуме». Ишь!

– Я в «Школалогии» уже делала нечто подобное: для групповых занятий сервис, с доской и прочими фидами, – пролепетала Новенькая сквозь черный экран, потом вдруг включила камеру.

Ее поведение показалось Любе некомандным и вообще оскорбительным. Что за ромашка: включила камеру, выключила? У нас встреча, а она с чем-то посторонним возится. Вот она, Люба, не посмела бы перед своей Таней без предупреждения выключить камеру.

Понятно, что для Новенькой Люба не совсем руководитель, точнее – совсем не руководитель. Новенькая де-факто в команде Тани Началовой, как и Люба, но Люба – старший редактор всё же. И это Люба Новенькую нанимала, это она дала ей жизнь в компании. Люба ей почти как мать родная, без всякого преувеличения.

Короткий звук, как отскочивший от дверного звонка: во встречу вошел Андрей Питонов со своим эггей-настроением.

– Андрюша, милый мой, ненаглядный, – запела Люба. Андрей даже растерялся.

– Привет-привет, Люба, – сказал и стал шарить взглядом по экрану, видимо, искал «Фигму», прибавил по ходу. – Третий квартал распланировали уже?

– Ведомость еще не закрыли. Если задачи остались, неси-те, рассмотрим, – Люба сделала паузу и заправила русые во-

лосы, мочалистые, как сухая люффа, за бугор покатоного плеча. – А я уже соскучилась по тебе. Давно мы с тобой не занимались совместными... кхм... проектами.

Андрей быстро посмотрел в экран, угукнул, и взгляд его стал размытым; видимо, уже открыл «Фигму» с нужным макетом и убежал от греха подальше в работу.

– С тобой будет работать наша Новенькая. А я так, только проконтролирую, чтобы всё в рамках закона было, – Люба посмеялась басисто. Грудь от смеха тряслась, как батут от детских прыжков.

– Обучаешь? – серьезно спросил Андрей.

Люба смутилась, шутки он явно не понял. Заметила, что у нее из-под платья выскочили мощные, словно морские канаты, бретели лифа, и подтянула. Мамино, поэтому такой старческой расцветки. Другое на ее тушу не налезет. Захотелось выключить камеру и прыгнуть под одеяло, погладила взглядом стоящий в углу диван с белыми, как из манной каши, комками постельного; он всё еще там, ждет ее. Ладно, разобралась-собралась. Сорок минут встречи еще надо оттарабанить, потом сопли распустит. А пока – всосать сопли назад, солнце еще высоко!

– Смену себе готовлю, – с полуулыбкой ответила она Андрею.

Но Андрей глубоко нырнул в дизайн макета и уже как будто не слушал ее.

– Вас двоих на проект поставили? – спохватился он через

минуту. Люба эту минуту обиженно молчала, а Новенькая снова выключила камеру.

– Нет, говорю же, я наставничаю. Я же теперь старший редактор, Андрюш.

– Люб, я справлюсь, ты можешь идти, – пискнула вдруг Новенькая из черного квадрата и обратилась к Андрею: – Могу же поспрашивать тебя про макет?

– Нет, погоди, – вмешалась Люба, голос ее стал громче. – Сначала посмотри, как надо правильно брифовать. Я тебе сегодня покажу, потом будешь сама. Не спеши, дорогая моя. Андрей, ты поширишь экран или я?

– Давай я, у тебя доступа на редактирование нет, – ответил Андрей, и на экране у Любы появился интерфейс «Фигмы» с прямоугольными экранчиками «Твоего Класса». Люба закипела: некоторые заголовки, плоды ее ночного труда Андрей, судя по всему, взял и переписал.

– Ты, я вижу, уже похозяйничал, – сказала она с игривым недовольством.

– Ты про заги? Там же какая-то муть была. Я пока lorem ipsum поставил. Можешь менять все, что твоей душеньке будет угодно. Только я чекну в конце, чтобы норм встало.

Муть была... Какие же тупорылые эти мужики. Но сейчас лучше не начинать, подумала, а то Новенькая услышит, что тексты Любы можно называть мутью. Плохой прецедент.

– Люблю, когда мужчины берут инициативу в свои руки, – пролепетала.

Андрей принялся рассказывать про проект и пояснять, какая на этом этапе потребуется помощь от редактора.

– Ты нам не поясняй. Мы сами тебе скажем, – заметила Люба покровительственно, словно старше Андрея лет на тридцать. Сама себя в этой компании чувствовала бабкой. Вот три аргумента за: обвисшая грудь, жировой горб и почти неходячие, онемевшие ноги.

Новенькая притихла, и камеру не включает. Где она вообще? Надо не забыть сделать ей замечание после встречи. Важно растягивая слова, Люба принялась задавать вопросы Андрею по макету, то есть брифовать, и вдруг эта фиалка явилась, но теперь Люба услышала незнакомый напористый голос (если бы не видела, что это рот Новенькой открывался, не поверила бы):

– Извините, коллеги. Хочу внести ясность. Я опытный редактор и могу сама вести проект. Люба, извини, но я не в твоей команде, ты просто помогаешь мне влиться в работу, а это у нас только по запросу, если я правильно поняла процессы. Сейчас запроса такого нет, я вполне могу провести встречу с Андреем сама, не вижу смысла тратить часы двух редакторов для этой встречи. Если будут вопросы, я к тебе отдельно приду.

Автоматная очередь из слов. От стыда Люба не смогла возразить ей сразу, поэтому улыбнулась. Андрей всё понял и сразу выключил у себя звук, занялся дизайном.

– Бунт на корабле, капитана теснят, – пошутила Люба и

добавила: — Ну что ж, если моя помощь не нужна тебе... — покосилась снова на диван. — Хорошо тогда. Мне так даже лучше. Андрей, пока! Напиши мне потом, после встречи, плиз. Будет пара вопросов.

Люба отключилась и выругалась матом перед опустевшим экраном.

Новенькая залезла на ее территорию. Андрей — старший дизайнер, и она, Люба, старший, а Новенькая кто? Обычный рядовой. Какое право она имела так встречать? Люба подумала, что она, будучи новенькой в свое время, ходила с раскрытыми, как крылья бабочки, глазами и только слушала-внимала Тане. И правильно: благодаря Тане она и человеком в «Игрошколе» стала, а это рвачиха хочет все и сразу. Нет, не приживется она.

Люба оперлась на стол и, скорчив лицо (вдруг стрельнуло в пояснице), медленно поднялась, встала на опухшие за встречу ноги. Сто пятьдесят килограммов у нее были на прошлой неделе, а теперь, может, и больше стало. Обрастает жиром, как деревянная палочка сахарной ватой. Она уже и не взвешивалась: стрелка на напольных весах всё равно зависла на максимуме.

С матерью в поликлинику пойду, там весы помощнее будут, тогда уже. Но как-то всё не до поликлиники было.

Придерживаясь за стену, переставными шагами Люба доковыляла до кухни. После часовых встреч ноги становились дубовыми стволами, и до вечера Люба их вовсе не чувство-

вала. Один коллега как-то пошутил: мы друг для друга просто говорящие головы, и Люба тогда усмехнулась про себя, что он и не подозревает, насколько близок к истине. Она, Люба, точно ждун из мемов, гомункул слоноподобный. Слава удаленке!

На кухне, со стоном согнувшись, Люба достала из шкафчика кастрюлю. Решила сварить на обед риса, к нему в холодильнике, кажется, была вареная курица. Вареное, пареное – вчера ей даже захотелось что-то исправить в своей жизни, и она приготовила здоровую еду. А сегодня хочется удивиться.

Поставила кастрюлю на плиту, но другой рукой, словно в нее вселился кто-то, ударила по кастрюле со всей силы. Кастрюля стукнулась об стену, потом об пол, мелко завибрировала там. Люба крикнула: «Тварюга!» и сползла вдоль шкафчика, зарыдала, завывала, застонала. Не девушка, а кремowo-бисквитная масса «Графских развалин».

Отрыдав десять минут, Люба вытерла лицо надутыми, точно резиновыми пальцами, вскарабкалась, опираясь на все подряд, и, поднявшись, взяла со стола телефон, четко, методично заказала два бургера в любимом «Фрэнк Бургерс». Пока везут, успею подключиться на редакционную встречу, рассудила – и поковыляла на рабочее место.

«Не занимайся ты ерундой. Люби себя как есть», – поддержала Любу тем же вечером подруга. Вика шла с парнем в кино, а Люба в это время играла в стратегию «Тропико 6».

Развила там не государство, а град небесный.

В Вике пятьдесят пять килограммов. Пятьдесят пять килограммов любить проще. Любино же сердце должно охватить в три раза больше, и от этого оно болит.

«Любят и полненьких. Любят всяких», – утверждала Вика, игнорируя тот факт, что в последний раз, когда Люба была в отношениях, она весила 88. Это было пять лет назад. С тех пор она насобирала на себя еще столько же. Плавать в собственном жире – это как вернуться туда, откуда тебя исторгли: в комфортную температуру матки. Туда ведь она, обрастая жиром, стремится? Глядя на свою маму, Люба уже засомневалась, что в ее матке Любе было бы так уж хорошо. Здорово, конечно, свернуться калачиком, завязаться узелком и безмятежно поплыть по околоплодным водам. Но приходится жить.

Всё, дошли уже, блямкнуло сообщение от Вики: ответу, как выйду с фильма. Люба пожелала ей хорошего просмотра и тоже решила на просмотр. Свернула игру и нашла в закладках любимый порносайт.

После короткого телесного облегчения вернулось вечно пребывающее с ней неизвестное чувство. То ли отвращения, то ли беспомощности, то ли суицидального отчаяния. Не разобрать, поэтому брала всё. Вспомнилась почему-то Новенькая. Темненькая, хрупкая, слишком хрупкая, даже ненормально уже такой быть; запястья как тросточки, ко-

сточка аж выпирает, как драгоценная пуговка на манжете. Андрей на встрече паялился на нее. Конечно, она ему понравилась.

Что мастурбировала, что ни мастурбировала, а отключиться от жизни всё равно не удалось. Только сильнее всё разуделось; написала в телеграмме Ване:

«Приеду, если анал будет, а то работы много», – ответил он.

Ваня – маркетолог из прошлой Любиной компании. Они даже встречались недолго в бородатом шестнадцатом, а потом он ее бросил, но спать с ней не переставал.

В прошлый раз признался, что всё у него к Любе сложно, сам не поймет, в чем дело, и ему надо подумать. Люба по соцсетям поняла, что у него появилась девушка. Но Ваню про нее не спрашивала, боялась как-то обидеть, спугнуть. Правда, он и без того приезжать почти перестал, приходилось почти умолять.

Люба уверила, что анал будет.

Пока сходила помыться, он уже прибыл. Люба всё исполнила, как обещала. Заказали пиццу, Ваня любил грибную. Сели на балконе, Ваня задымил вейпом, Люба за компанию достала из пыльного балконного ящичка припасенные сигареты. Курение – тот же «Турбослим», хорошо сушит.

– Что за папиросы? Еще бы «Беломор» достала, – засмеялся Ваня. – Вон, вейп лучше, не вредно для легких.

Люба попросила у Вани вейп, затянулась. Во рту спелый

манго с растопленным белым шоколадом. Кивнула: правда, круто. Ваня вытер место, к которому она прикоснулась губами, и тоже затынулся, красиво сощутив глаз.

— Это не потому, что ты мне противна, я просто не переношу слюни, — пояснил и, откашлявшись, добавил. — Ты мне сама не пиши больше. Я сам буду писать тебе, ок?

Сейчас докурим, и он уйдет, подумала с тоской Люба, а потом неизвестно, когда еще напишет.

Чем неожиданнее случались эти встречи, тем ценнее они были для Любы. Ловила редкие капли широко разинутым ртом. Верила, что у них любовь, просто такая сложная. Люба прижалась к ровненькой безволосой груди Вани и послушно кивнула.

Секс у них случился тогда аж два раза, с перерывом на пиццу и перекур, но, несмотря на это, Люба после его ухода не торопилась на боковую, а пошла по разным сайтам и опомнилась только в третьем часу ночи. Отвлеклась от пестрого экрана ноутбука на тусклые обои; разноцветными квадратиками расчертилась стена, как во время технической паузы на «Первом канале», а потом уже стали проступать полосы цвета испражнений, обвитые тусклой виноградной лозой. Обои с этим орнаментом выбирали еще дед с бабушкой, они здесь все и обклеили. Любе эта квартира ожидаемо перешла по наследству, когда бабушка умерла.

Бабушка умерла три года назад. С тех пор Люба жила

здесь одна. К счастью, на соседней от родительского дома улице, поэтому по вечерам, когда у матери не было давления, она заходила за Любой, и они гуляли за ручку вдоль районных пятиэтажек, серые прямоугольники, оранжевые квадраты. Зимой, когда начинался гололед, эти прогулки становились для Любы жизненно важными, как и мама: без нее было бы вообще страшно выходить. Однажды она уже поплатилась за самонадеянность: решила сходить в одиночку до ближайшего «Магнита» и сломала ногу.

Перелом ее жирной ноги заживал плохо, и в тот год она несколько месяцев безвылазно сидела дома. Это было страшное время, еще и сразу после похорон бабушки. Тогда снова набрала: к ее тучному телу прибавился, тютелька в тютельку, бабушкин вес. Всегда толстая, бабушка перед смертью вдруг высохла, и Люба вобрала ее в себя: все шестьдесят килограммов. Вскоре прекратились месячные. Люба стала бабушкой. Детей у нее не будет, это было понятно. Мужа, очевидно, тоже. Кому такое надо?

В темноте она больно схватила себя за увесистую кожно-жировую лепешку над лобком. Осталось доживать. Но это ничего. Бабушка, вот, двадцать лет после смерти деда прожила. И нормально. Ездил на дачу, смотрела передачи про здоровье; кормила домашних и подъездных котов; не торопясь, готовила приданое в гроб.

Чернота улицы всасывала в себя черноту комнаты. И всё на глазах становилось чернотой. Затхлой, прогнившей, мерт-

вой. «Это всё?» – словно кто-то спросил Любу, но в квартире больше никого не было. Показалось.

«У бабушки хотя бы была я. А у меня никого. Если умрут родители... Никто меня не найдет, никто даже не хватит-ся. Одинокий труп в пустой квартире. Вонючее, задубевшее желто-серое тело. Только кот, конечно же, будет ныть под боком просить пожрать».

В темноте раздался густой, тяжелый рев. Тяжелая подушка, еще бабушкина, отлетела в старый сервант, и там что-то свалилось на пол со страшным звоном. «Ненавижу тебя! Сдохни уже поскорее, все равно никому не нужна», – прокричала Люба сквозь рыдания. Слезы заполняли ее складки на шее, на лице, забивались в нос, уши, смешивались с соплями и склеивали волосы.

На следующий день Люба проснулась в восемь. Не по будильнику, просто привыкла вставать рано еще с тех времен, когда водила бабушку в поликлинику. Голова болела от вчерашних слез, глаза закрывались, как у советской куклы, но, полежав недолго, поняла, что заснуть опять всё равно не сможет: в солнечном сплетении трепыхалось что-то, отчего Люба не могла найти себе места.

За ночь у нее созрел ответ на тот вопрос из черноты:

«Нет, это не всё! Не всё, блин!»

Она сразу написала матери, напомнила ей про врача (дали же ей знакомые какой-то телефон какого-то эндокринолога):

«Номер остался? Давай всё-таки дойдем».

Сварила кашу, после правильного завтрака рассеялись остатки тяжелых мыслей, словно на верную рельсу встала и поехала. Умылась, причесалась, накрасилась. Теперь была похожа на человека. Вчерашний день, как гробовая тайна, останется при ней. Никто не узнает, что ей хотелось отправиться к бабушке. Она будет излучать только продуктивность и эффективность, оптимизм и благодушие, только это, всё остальное – в тень.

В десять у Любы еженедельный созвон с Таней Началовой. Люба надела на эту встречу свою самую ласковую улыбку. Грядет реорганизация отдела, Любу рассматривают на руководителя подразделения, надо показать себя с лучшей стороны.

Появившись на экране, Таня сразу же сдвинула брови. На переносице вырылся привычный Любе морщинный канал, она наблюдала его вот уже почти пять лет, и он ей совсем не надоел; даже, наоборот, дарил опору.

– Ну как ты, дорогая? – спросила Люба первая.

– Подожди, пожалуйста, довнесу кое-что, – все суежилась Таня.

Люба стала ждать, пока Таня допечатает, что ей надо. Ничего не делала, просто смотрела, как руководительница напряженно шурилась в экран, и как беззвучно, как у рыбки, дергался ее маленький рот.

– Готово, – сказала Таня через пару минут. – Прости, по-

жалуйста. Со встречи на встречу. Даже в туалет, извини за подробность, отойти некогда.

– Понимаю, Танюш. Я вот сегодня с дизайнерами целый час спорила.

– Спорила? А что там такое?

– Ой, ну ты Ника знаешь же, он упертый. Я ему говорю: без «ё» никак, а он по-своему делает. Пихает свое «е» во все щели. Явный недотрах у парня, – Люба засмеялась словно над шалостью родного ребенка.

– А, понятно, – сказала Таня. – У меня вообще вопрос к тебе сверхважный. Времени мало, давай к нему сразу.

– Давай, дорогая.

– Хотим тебе команду дать.

– Только если в редакции. От тебя – ни ногой, – сказала довольная Люба.

– В редакции, конечно. Будет деление на методический, маркетинговый и дизайн отделы. Это работа с соответствующими дизайн-командами, понимаешь принцип, да? Мне и Диме кажется, что узкая специализация сыграет продакшену на руку.

– Круто, а про узкую специализацию: я давно так хотела. Говорила тебе, помнишь?

– Я тоже давно говорила, – обрубил ее Таня и добавила: – Так вот, я выдвинула тебя на дизайн-отдел, хоть ты у нас в основном с маркетингом сейчас работаешь. Ты не против?

– Ты что, я уже давно хочу дизайнерам перья повыдирать,

– усмехнулась Люба. – А почему не новенькую? Она ж опытный продуктовой редактор. В «Фигме» шарит, в отличие от меня. Плюс опыт управления вроде есть.

«Вроде» сказала нарочно. Собеседовала Новенькую, знала, что управленческого опыта у той больше, чем у нее самой. А если совсем уж честно: только у Новенькой он и есть.

– Думала над ней, – сказала Таня, потерла блеклыми, будто бы мужскими пальцами, обветренные губы. – Но она всего пару недель работает, а ты человек свой, понимаешь наши процессы.

Люба кивнула. Улыбка приклеилась к лицу, разодрала его до ушей.

– А Новенькая пусть сначала под твоим началом поработает, подрастет. Потом будем думать, куда ее поставить. Кадры управленческие всегда нужны.

Люба была счастлива, одно тревожило: дерзкая уж больно эта Новенькая, строптивая; надо бы ее осадить, иначе слаженной команды не выйдет. И принялась за укрощение сразу: назначила с Новенькой внеочередной созвон на после обеда.

– Не знаю, как ты отнесешься к тому, что я сейчас скажу. Но у нас грядут изменения. Редакция поделится на команды, и Таня доверила мне руководство группой, которая будет работать с дизайнерами. Тебя определили в мою команду, чему я очень рада. А ты?

Новенькая шевельнула губами, но ничего не сказала. Бы-

ло видно, что растерялась.

– Давай честно. Я и сама понимаю абсурдность ситуации. Ты человек опытный, я знаю, что у тебя была своя команда на прошлой работе, и, я надеюсь, мы договоримся, и я смогу однажды дорастить тебя до руководящей роли в этой компании. Ты согласна?

– Согласна... Просто неожиданно это...

– Неожиданно, да. Я польщена доверием Тани, мне оказанным. Но, если по правде, я здесь давно, я знаю процессы от и до, так что это назначение вполне логично.

Новенькая кивнула, но как-то недостаточно уверенно. День Люба провела с поджатыми губами, отчего всем казалось, что Люба без конца улыбается, радуется новой должности. Но Люба злилась.

– 150 килограммов в тридцать три года! О чем вы только думаете, девушка? – сказал врач эндокринолог-нутрициолог, к которому Люба пришла по маминой наводке. – Надеюсь, вы рожать не планируете? В вашем состоянии только выкидыша и ждать. Или урода. Да что я говорю? И забеременеть-то не получится.

Мама зашла с Любой в кабинет и сидела теперь на лавке у входа, почтительно слушала. Лицо Любы заливалось краской, челюсти сжимались.

– Ой, да что вы говорите, она даже не замужем еще. И такая карьеристка, что, боюсь, внуков нам не видать, – мама

говорила с врачом, как когда-то с Любиной классной: тот же заискивающий тон.

– Вам про внуков еще рано думать. Тут как бы не окочуриться, – зло усмехнулся врач и обратился к Любе: – Расскажите, что кушаете.

Вчера Люба снова сорвалась, заглотила два бургера. Но не говорить же об этом врачу. Ее инстинкт самосохранения, в отличие от ног, еще был полнокровен. Наврала, конечно, растиражировала пару-тройку своих здоровых приемов пищи на всю жизнь: да, она всегда так ест! а почему толстеет? так кто ж знает?

– Врете, Любовь. Так дело не пойдет, – сказал врач и, поковавшись в столе, достал несколько листков, протянул ей. – Вот ваша новая диета, прошу отнестись серьезно, всё соблюдать. И перестаньте врать, или я вести вас не стану. Это надо вам, а не мне.

Люба оставила на ресепшене шесть тысяч рублей, вышла из медицинского центра, едва сдерживаясь, чтобы не расплакаться, чтобы не привлекать слезами внимание к себе. Достаточно и того внимания, что привлекает ее тело всякий раз, когда она появляется на людях.

По пути мама выпытывала Любу про срывы и отчитывала. Домой Люба вернулась уставшая. Прошла в кухню, к холодильнику и магнитом прижала измятые, влажноватые от потных ладоней листы с диетой. Сделала себе бутерброд из батона, масла и сыра. Сидела на кухне и жевала, глядя в одну

точку. Потом догналась парой котлет. Полегчало.

Нравилось Новенькой или нет, но в команду к Любе ее всё же определили. Таня обещала поговорить с Новенькой, разрешить их с Любой недопонимание, но дел и встреч было так много, что до нее она так и не дошла.

Противостояние же Любы и Новенькой продолжалось. На встречах с дизайнерами, куда Люба ходила как тимлид для контроля ситуации, Новенькая постоянно выражала идеи, не согласованные с Любой, спорила; хотела доказать, что не Люба ей должна руководить, а она Любой.

– Ты зачем споришь при всех? – сказала Люба ей после очередного созвона по проекту, где Новенькая при всех предложила тексты, которые Люба в глаза не видела. Люба, конечно же, начала на созвоне их комментировать, а Новенькая начала с ней спорить, как умалишенная.

– Я не спорила, Люб. Я просто презентовала свою работу дизайнерам.

– Надо было мне сначала презентовать. Чтобы мы потом не выглядели с тобой, как две дуры. Мы должны единым фронтом... Это репутация редакции, которую мы с Таней строили годами...

– Я же тебе скинула до встречи на ревью.

– У меня не сто рук и глаз, у меня и свои проекты есть. Никто эту нагрузку с меня не снимал.

– Но на встрече надо было уже что-то показать...

– Подождали бы, не развалились. И ты подождать могла бы. Есть такое понятие, как командная работа.

Новенькая помолчала, а потом выпалила:

– Опыта у меня достаточно, чтобы написать мелкие подписи к мобильным экранам. Или ты считаешь, что я с этим не справлюсь?

– Надо соблюдать процессы, принятые в компании.

– Я не видела документа с описанием таких процессов. Это всё, кажется, только у тебя в голове.

Люба ошарашенно вгляделась в Новенькую, обрезанную рамкой «Зума».

– Успокойся, пожалуйста, – сказала Люба дрожащим голосом, и от волнения даже камеру выключила. – Ты профессионал, и я нисколько с этим не спору. Просто я, как тимлид, отвечаю и за твое развитие, и за честь нашей редакции. Я здесь, чтобы помочь тебе расти. Однажды ты будешь такой, как я, и сможешь...

– Люб, я не просила о помощи, – парировала Новенькая. – Мне кажется, ты излишне давишь.

Люба пискнула «ладно», попрощалась и понеслась в чат к Тане Началовой, попросила о созвоне. У Тани все было расписано до вечера, гугл-календарь был похож на витражную мозаику, этакое корпоративное искусство; но она нашла время после восьми, предложила созвониться под вино.

К этому времени Люба успела впихнуть в себя бургер, картошку фри и три куска торта из «Самоката», а еще по-

рядком накрутиться. И, когда серое от усталости лицо Тани появилось на экране, Люба разразилась рыданиями.

Десять минут Таниных усердных утешений, и плач утих, оставались лишь редкие судорожные всхлипы. Любин сосед снизу, подмосковный хихикомори, наверняка подумал, что одинокая толстуха наконец-то наложила на себя руки, но проверять не приходил. Сто процентов обрадовался.

– Не могу я ей руководить, Танечка, – пожаловалась Люба и звучно сморкнулась в сложенную во много раз ленту туалетной бумаги.

– Что случилось? – ответила Таня Началова таким тоном, словно ей в очередной раз предложили по телефону банковские услуги.

– Это я, Танечка, случилась. Такая хреновая. Новенькая вечно с моими решениями не согласна. Я хреновый тимлид.

– Ты хороший руководитель, пусть и начинающий. Не драматизируй. Вам надо просто поговорить словами через рот, – сказала Таня и, покосившись куда-то вбок, шепнула: «Я сейчас».

– Не руководитель я, Тань, а корова жирная. Еще и глупая. Ни хрена я не знаю, как правильно сказать, как процессы устроить.

– Люба, ты у нас самый опытный редактор в команде, – Таня тяжело вздохнула и отпила вина из бокала. – Давай я с ней поговорю сама.

– Нет, Танечка, не надо. Будешь еще за меня разруливать

проблемы с моими подчиненными, а я на что?

– Это хорошо, что хочешь сама. Руководство – это трудно. Научись еще. Только давай, Люб, с терминологией определимся, что не вводить Новенькую в заблуждение. У нас структура-то горизонтальная. Новенькая – самостоятельный боец, а ты просто наставник для поддержки.

– Вот и она так говорит.

– И правильно говорит. Недели не прошло, а ты уже бьешься в истерику. Ты просто выгорела от гиперконтроля. Не бери лишнего. Где, вот, твоё вино? Говорила же, с вином приходи.

– Танечка, я же и их тяну, и сама задачи редакторские фигачу. Их с меня никто не снимал же, – Люба, вытерев слезы, задумалась: – Да, кстати, забыла я про вино. Ревела, как тварь, весь вечер. Не до вина было.

– Так, – сказала деловито Таня, словно собрав в кулак последние, не истраченные за день силы, и возле нее возник мальчик лет шести; стеснительно улыбнулся, Люба улыbnулась ему в ответ, помахала. – Девять уже, – сказала Таня Любе. – Иди отдыхать, слышишь? Прямо закрой ноут и беги от стола. Съезди на дачу, майские же, погода какая хорошая. Увижу тебя в «Слаке», буду ругаться!

– Ладно, – протянула Люба голосом маленькой Любы.

Таня выключилась, а Люба всмотрелась в маленькое зеркальце возле ноутбука. Ее лицо уже не помещалось в зеркальный кругляшок, но она и не знала, как по-другому, стя-

нула мокрые пряди на затылке, завязала. Потом нашла на рабочем столе игру «Тропико 6» и погрузилась в ту жизнь, где все у нее, пусть под переменным, но контролем.

– Алё, Алеша! Ты на дачу-то едешь? – прокричал в трубку отец субботним утром и, не дожидаясь ответа, прибавил: – Давай, короче, собирайся. Матери на огороде поможешь.

Люба впервые собрала на дачу собственный контейнер с едой. Заказала в «Самокате» всякие полезности. Положила зернистый сыр, порезала помидорину, огурцы, веточку петрушки и прикрыла цельнозерновым хлебцем. После этого захотелось накрасить губы помадой. Ну и пусть, что на дачу.

Мама поднялась, чтобы помочь Любе собраться. Пока мама перетаскивала сумки в коридор, Люба зашла в туалет переодеться, при матери оголяться не хотелось.

– Что я там не видела, Люба? – недовольно буркнула она. – Ты же мой ребенок. Плоть от плоти.

Люба ничего не ответила, переоделась и вышла из ванной в заляпанной бордовой футболке отца и в спортивных штанах бабушки. Сунула ноги в старые кроссовки для дачи, надела панамку, тоже в каких-то угольных пятнах, но помаду не стерла.

На даче родители наварили пятилитровую кастрюлю картошки, накидали туда шматов сливочного масла. После огородных дел сели обедать в единственной комнате дачного домика-скворечника, в которой, кроме стола и стульев, были

только всякие инструменты: грабли, лопаты стояли по углам.

Мама смотрела, как Люба ест, так, словно в цирке номер показывали. Щелочки глаз над дряблыми щеками посмеивались. Шея стекла в плечи и мягкая, в мелкую морщинку грудь ходила ходуном от смеха.

– Ты только погляди на нее, – сказала она мужу.

Отец Любы накладывал картошку, с ложки лилось масло. Он весело покосился на дочь. Люба быстро, точно делала что-то незаконное, закинула в себя ложку творога.

– Кто ей сказал, что здоровый человек так питаться должен? – сказала мама и достала тарелку с нарезкой «Московской» и банку с солеными огурцами. – Выделяется просто.

– Так доктор при тебе же сказал, – возмутилась Люба.

– Доктор не так сказал. Он сказал: на ночь не нажираться. И фастфуд не есть. Забыла уже? – ответила мать. – Надо домашнее есть, Люба. Картошка с нашего огорода, вот. А ты всё покупным травишься.

– Отстань от нее, пусть дальше печень травит, – посмеялся отец, и из его рта, с чем-то белым, мокрым в уголке, вывалился кусок картошки. – У нас в роду худых баб не было, а мужики, как я: все как на подбор, поджарые.

– Леонид ди Каприо, – посмеялась мать с набитым ртом.

– Хошь схуднуть? – обратился к Любе отец серьезно, и Люба даже подняла голову от контейнера, чтобы послушать его. – У матери возьми из шкафа... Вон того... Над плитой... Эту, как ее? Летящую ласточку. Мать от нее дрищет в три

ручья, а толку ноль!

Раздался смех, потом кашель и громкое перхание. Мать посмотрела сурово на отца, но Люба заметила, что колбасу она больше не брала.

Люба продолжала бегать к Тане с жалобами на Новенькую. Тане всегда удавалось вернуть Любу в боеспособное состояние. Но в последний раз истерика была страшная: Люба рассказала Тане, что не хочет жить. Сквозь дикий плач пробубнила, что уйдет из компании, чтобы не обременять собой Таню и Новенькую и всех вокруг.

Таня отправила Любу в отдел Заботы на встречу с корпоративным психологом. Чуть позже Люба заметила, что из ее календаря пропали регулярные встречи с Таней. Таня, судя по всему, больше не хотела созваниваться с ней.

Люба всё понимала. Таня столкнулась с той мерзостью, в которой Люба варится каждый день, с ее мыслямешалкой. И Люба стала ей так же противна, как сама себе. Запланировав покончить с собой на этой работе, Люба решила отправиться к тому, кто еще не успел от нее отвернуться, к Новенькой. Надо было сообщить ей, что через пару недель она, Люба, уходит и – вот, пожалуйста! – освобождает Новенькой руководство.

– Тут такое дело. Я не справилась с руководством и ухожу, – сказала ей Люба.

– Как так? Почему? – Новенькая почему-то не обрадова-

лась, или Люба не смогла распознать эту радость в ее мимике. Новенькая хитра, у нее высокий эмоциональный интеллект, не зря в последнее время она очаровала и Таню. На общих встречах Люба стала замечать между ними особый контакт, какие-то флюиды. Новая красивая фаворитка обскакала старую жирную.

– Я решила, что не могу быть для тебя хорошим руководителем. Я хотела эту роль, но я ее не тяну.

– Люб, ты что, из-за меня уходишь? – Новенькая словно смутилась. – Я не думала... Споры – это просто обсуждения... По работе... Я не знала, что тебе это так обидно.

– Не из-за тебя, – ответила Люба и отвернулась.

– А почему?

Люба нарочно не смотрела в экран, боялась разрыдаться, тогда Новенькая точно решит, что она слабачка.

– Люб, что-то случилось? Извини, что расспрашиваю, но, мне кажется, ты не хочешь уходить. Ты из-за меня?

Люба повернулась. Казалось, лицо вот-вот лопнет от напряжения. Она посмотрела на Новенькую, на ее тонко выделанное, бледное, безжизненное лицо, в котором на самом деле было с избытком твердости и жизни. Она, такая маленькая с виду, откуда-то брала силы спорить с Любой, с дизайнерами, с Таней, за что Таня, наверное, и зауважала ее. За эту ее непонятную силу – говорить «нет», стоять на своем – Люба ее и ненавидела.

В этот момент на Новенькой сошлись все силы, действу-

ющие на Любу. Лишь она одна ей раз за разом перечила, сопротивлялась, доказывала свое, а Люба всё гнулась и гнулась в дугу и от невозможности гнуться дальше, теперь отступала. Вот Новенькая наносила последний удар: Люба должна была уйти, совсем исчезнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.